

18+

АНА ХОВСКАЯ
Ана Ховская

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Агский сон

КАЛЕНДРОСКОП

Адский сон

Ана Ховская

Адский сон 1. Калейдоскоп

«Автор»

2023

Ана Ховская

Адский сон 1. Калейдоскоп / Ана Ховская — «Автор»,
2023 — (Адский сон)

Я обычный офисный планктон. Моя жизнь ничем не примечательна. Не люблю быть в центре внимания: чем незаметнее, тем проще. Но одна случайная встреча, безумные сны на грани реальности и... жизнь перевернулась с ног на голову. Мне пришлось стать иной, разбудить в себе монстра, чтобы выжить и вернуться к самому дорогому, что осталось где-то там... Ведь монстры восстали и в тех, кто оказался рядом... И всё же в мире, где всё стало подчинено инстинкту выжить, я обрела надежду и верное плечо... Только как вернуться домой, если там, где я оказалась, — это не реальность... не сон... не жизнь...

© Ана Ховская, 2023

© Автор, 2023

Содержание

От автора	5
Пролог	6
ЧАСТЬ I. Офисный планктон	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	46
ЧАСТЬ II. Естественный отбор	49
Глава 1	49
Глава 2	55
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ана Ховская

Адский сон 1. Калейдоскоп

От автора

Все персонажи истории выдуманы. Все совпадения с реальными лицами, местами и событиями – не более чем мистическая случайность.

Возможны осадки в виде яростного адреналина: слабонервным и мнительным приготовить вино и носовые платочки.

Пролог

Первое, что почувствовала, когда проснулась, это запах помоев и горький привкус во рту. Я напряжённо сосредоточилась, призывая память на помощь, но в голове было пусто, будто кто-то вычистил всё до основания. Я даже не могла вспомнить, где нахожусь, что было накануне и ни одного события или лица из моей жизни...

Стерильно!

«Как меня зовут?.. Королева Елизавета... Королева?! Бред какой-то!..»

Но то, что в памяти серым пятном проявилось имя, не утешило. Смутная тревога заби-лась в горле тупой пульсацией. Попыталась открыть глаза, но ресницы так слиплись, будто их смазали клеем.

Я замерла в попытке понять, что не так. Судорожно вдыхая, стала прислушиваться к внутренним ощущениям. Но, кроме отвратительного запаха и нарастающего беспокойства, ничего не могла различить. Как бы ни старалась, не могла сконцентрировать мысли на происхождении. Они, словно чернила на промокашке, расплзались, растворялись, теряя ясные очертания.

Я находилась в абсолютной тишине. В тишине неестественной, плотной, вязкой...

Медленно пришло осознание, что не ощущаю собственного тела. Только запах помоев и уже бешено колотящееся сердце.

«Что это? Меня что, опоили? И почему так холодно?..»

Холод – вот что это! Я ощущала дикий холод и не могла пошевелиться – околела.

«Откуда в моём доме запах помоев?! Я, вообще, дома? Что происходит?..»

Резкий вдох отозвался дикой болью в груди, будто мне проломили грудину и отбили лёгкие. Поморщилась и тут же испуганно замерла. Что-то было натянуто на лицо и сковывало мышцы.

И вдруг с последующим вдохом и коликами за грудиной в сознание ворвалось ощущение боли во всём теле и панического дискомфорта. Я передёрнулась от ледяных мурашек, что пробежали по спине и плечам, подняв все волоски на теле дыбом. Зубы несколько раз сомкнулись в произвольной дрожи. Терпеть не могу это болезненное ощущение холода, когда каждый нерв словно покрыт ледяной коркой! Захотелось обнять себя руками и растереть болезненно зудящую кожу. Но тело было скованно, и я лежала в странно неудобной позе.

Вновь попыталась открыть глаза, но тщетно. Я застонала и хотела потереть глаза пальцами, но и этого не удалось: не смогла поднять руки – они были скованы за спиной, а запястья жгло.

И теперь я окончательно испугалась. Закричала. Но из горла вырвался лишь глухой стон, и он отозвался тупой болью в висках.

«Что за грёбаный Экибастуз?!»

Ощутила, как возвращается чувствительность к губам и языку.

«Руки... Они связаны?! Господи!..»

Вдыхая уже медленнее, чтобы не дразнить мышечную боль в груди, я поёрзала всем телом. И тут догадалась, что лежу на холодном металлическом полу, прижатая чем-то тяжёлым к стене, тоже металлической. Я отлежала ноги, и бок уже настолько промёрз, что мышцы начинали протестующе покалывать.

Приподнять голову не удалось: шея занемела окончательно. Но от неловкого еле заметного движения от позвоночника в голову стрелой пронеслась боль и словно взорвалась тысячей осколками внутри неё. Глазные яблоки обожгло так, что я произвольно крепко зажмурилась и застонала.

Единственное логическое умозаключение, которое смогла сделать: меня чем-то опоили и я не знаю, по какой причине это со мной происходит.

Неожиданно появился слух, и я поняла, что так напрягало последние минуты: непрерывный низкий гул, который отзывался вибрацией во всём теле. Я напряжённо сглотнула горькую слюну и перестала дышать, прислушиваясь к звукам, пытаюсь представить картинку происходящего. Но чей-то болезненный стон вырвал из размышлений, и меня накрыло холодным потом.

Я была не одна!.. И звали меня не Елизаветой!

ЧАСТЬ I. Офисный планктон

Глава 1

Это был самый обычный день, такой же, как и каждый божий день. С утра пришла идея, как «украсить» статью о компании в юбилейный альбом Департамента архитектуры области заковыристыми фразочками, связав их с нынешней модой и экономикой. Может, поэтому и не заметила, как вместо сапог на шпильках надела зимние кеды. Как обычно, белая рубашка, строгие брюки, прямое пальто... Но кеды! Заметила, только когда поднималась в троллейбус. С классическим пальто не очень, но легко пробежаться по снегу, и ноги в комфорте. Шпильки есть и на работе.

В последний момент вырвавшись из душных объятий толпы в общественном транспорте, я выпрыгнула в снежный сугроб у остановки рядом с офисом. Отряхнув полы пальто и сбив хлопья снега с носков кед, зашагала к центральному входу.

На ступенях чуть не расшиблась: к подошве вместе с чьей-то жвачкой прилип какой-то флаер. Пока отлепляла яркий листок, взгляд замер на тексте: «Сделай шаг в мир своих желаний». Я на секунду зависла в раздумьях над смыслом фразы, но, услышав оклик нашего секретаря Хохолковой, моргнула, смяла листовку и бросила в урну.

– Привет, Ева... Ты в кедах?! Опять нарываешься?– усмехнулась она, сморщив и без того морщинистый лоб, хотя девчонке всего двадцать шесть.

«Вот радость тебе меня подкалывать»,– мысленно отмахнулась я, понимая, на кого она намекает.

– Привет, Ксюша. Надеюсь, не заметит.

– Скорее переобувайся, потому что Витёк уже в офисе и ждёт тебя, как только явишься.

Главный архитектор Виктор Самоносков имел привычку появляться в офисе раньше всех. В восемь он уже активно трудился, тогда как рабочий день в нашем архитектурном бюро «Перфектум» начинался в девять.

«Наверное, опять хочет дать очередное претенциозное задание. Всё, как обычно»,– промелькнуло в мыслях, и сразу представила, сколько времени придётся убить на эту встречу. Он любил поболтать, в отличие от меня.

– Боже, дай мне сил...– горестно вскинула глаза к небу и неохотно поднялась в офис.

По установленной руководством традиции при появлении в офисе нужно было зайти в каждый кабинет и поприветствовать коллег. Но я всего лишь контент-менеджер с некоторыми функциями пресс-секретаря, а не лицо компании, меня вообще можно перевести на удалёнку, ведь свои обязанности могу выполнять откуда угодно. Однако приходилось вытаскивать себя из кокона и мило улыбаться, потому что такой работой не разбрасываются. К тому же я участвую в переговорах с иностранными инвесторами заказчиков, потому что из двадцати трёх сотрудников бюро разговорным английским владеют двое – я и Самоносков. Остальные едва ли помнят школьную программу и владеют только техническими терминами.

«Так, с приёмной покончено на крыльце. Не придётся слушать от Хохолковой свежую порцию сплетен за вчерашний день».

Быстро сунув голову в дверь первого отдела проектирования, я натянуто улыбнулась:

– Всем доброе...

В этом кабинете, как часто бывало по пятницам, собрались почти все – утренний покер на крекеры.

– Привет! От печенек, как всегда, откажешься?– произнёс громкоголосый широкоплечий инженер-электрик Роман Брянский. Всегда подозревала, что «красавчик» блондин сидит на анаболиках.

– Прародительница на диете,– усмехнулся Яша, хилый по сравнению с Брянским проектировщик с вечными тёмными кругами под глазами и всегда в депрессивно-саркастичном настроении. И фамилия у него была подходящая – Черных.

– Нет, коты только «Вискасом» питаются,– вставил своё плоское словечко ещё один проектировщик Антон Клобус – вредный человек и несносный ворчун.

– Не обращай внимания, Кошка,– на выходе из кабинета скосил глаза архитектор Степан Малечко, обычно выигрывающий первую партию и довольно уходящий к началу рабочего дня на своё место.

Умно ли поступили родители, назвав меня именем адамовой жены, не знаю, но и фамилия всегда раздражала чей-нибудь язык. Ева Кот всем была словно поперёк горла: людей так и подмывало выплюнуть какую-нибудь шпильку на мой счёт.

Ироничные комментарии и заезженные шутки остальных слушать не стала, отошла от двери... и едва успела прижаться к стене, чтобы меня не снесла бухгалтер Алевтина – необъятных размеров молодая женщина, которая и такого мускулистого, как Брянский, запросто собьёт с ног.

– Чё меня не позвали?– пыхтя от спешки, протиснулась в кабинет она.

– О-о, а мы думали, тебя сегодня нет,– хохотнул Рома.

– Аха, даже стёкла не дребезжали,– хмыкнул Яша.

– Не-е, просто в коридоре полы ещё не просохли от уборки, вот Алька на цыпочках и шла,– усмехнулся Антон. А все остальные подхихикивали.

Алевтина была из села под Саратовом. С прокуренным голосом, упрямая, часто в раздражённо-возбуждённом настроении. По какому вопросу кто бы к ней ни обратился – нарывался на ворчание и грубость. «Гром-баба!» – иногда смеялись парни, да и сам директор. Но она себя в обиду не давала.

– Ой, поразевали-то хлебала... Аванса сёдня не ждите... Привет, Кот,– мимоходом кивнула мне Алевтина и добавила:– Сдай тышу на день рождения шефа...

«После аванса и сдам... Мне ещё выходные пережить с пятьюстами рублями на карте»,– кивнула молча, отстранилась от стены и направилась в коммерческий отдел, где и было моё рабочее место.

Вошла в кабинет и ещё на пороге заметила, как Геннадий Гановский – наш менеджер по продажам, разговаривая с юристом Тарасом Бучерой (в народе прозванным Хандрой из-за бледной кожи и непрерывной меланхолии), пьёт нечто серо-зелёное из моего стакана. Очевидно, тот самый напиток здоровья, о котором недавно декламировал на весь отдел: смесь зелени, киви и апельсина.

«Конечно, бери мой стакан, можешь даже не мыть, и обед тоже можешь съесть»,– подумала я и чуть громче обычного поставила сумку на край стола.

– Доброе утро, коллеги! Вы не на покере?

– Привет,– проронил Тарас и пожал плечами, мол, работа.

– О-о, Евс, привет. Дай пять...– оглянулся Гена и протянул ладошку.

Но я её проигнорировала, тут же начав снимать пальто, продолжая мысленно ворчать: «Что за манера искажать имена?»

– Прикольные кеды,– заметил он же, пристально глядя, как расшнуровываю обувь.

Родители воспитывали из меня леди. Не всё у них получилось, но некоторые привычки закрепились так закрепились. Не люблю переодеваться при посторонних, поэтому старалась отвернуться так, чтобы надеть сменные туфли и не открыть вида мокрых колготок, которые в матерчатых кедах намокли от снега и чуть вытянулись на пальцах.

– Ты что, дезодорантом для ног пользуешься?– беспардонно спросил Гановский.

«Расстрелять!»– прошипела во мне та самая «леди», быстро всунула ноги в туфли, выпрямилась, одёрнула рубашку и прошла к столу.

– Тарас, ты смотрел договор на продвижение сайта?

– Я проверил. Можно подписывать. Выложил в общую сеть,– ответил тот.

– Спасибо,– вежливо улыбнулась и открыла сумку, чтобы достать телефон.

– Тебя Витёк искал, между прочим. Сказал, как появишься, сразу к нему,– заметил Гена, покачиваясь на пятках и продолжая цедить сок.

– Спасибо. Уже оповестили,– кивнула я и посмотрела на свой стакан.– Не вернёшь?

– Из него вкуснее пить. Он такой розовенький и пузатенький,– оскалился тот.

«Угу, прямо как ты!»– мельком покосилась на его выпирающий живот.

Гена улыбнулся ещё шире и игриво подбросил стакан, чтобы поймать другой рукой. Но... не поймал. Тот выскользнул из рук и разлетелся крупными осколками по всему полу. Я только и успела отпрыгнуть, чтобы остатки сока не забрызгали и без того сырые брюки и почти новые светлые замшевые туфли.

– Упс!..– загоготал Гановский.

Я на секунду прикрыла веки, глубоко вздохнула и с натянутой улыбкой произнесла:

– Требую адвоката,– взяла телефон, ежедневник и вышла.

С парнями в бюро у меня как-то не ладилось, может, оттого что менталитет разный, а может, мне самой нужно было быть проще. Только не получалось. С виду они безобидные. Каждого по отдельности можно пережить, но вместе они становились стаей гиен, которая не имела ни совести, ни жалости, порой переходя все границы. Но для меня это не тот случай, когда нужно связываться, поэтому я просто ни на кого не реагировала: чем мельче камень, тем меньше круги на воде.

* * *

Перед кабинетом Самоносова я собрала с висков в узел на затылке пряди волос цвета фуксии, вынула карандаш из ежедневника и заколола их, чтобы в очередной раз не смущать придирчивое руководство ультрарадикальным колорированием. Постучала в дверь.

Честно говоря, каждая встреча с главным архитектором – для меня испытание. Нет, уважать Виктора есть за что: знания в своей области у него колоссальные при тридцати двух годах отроду, он большой эрудит, но характер... Вот эта его заикленность на внешнем виде: женщина должна быть в юбке и на шпильках. Как он часто говаривал: «Белый верх, чёрный низ – завтра будешь коммунист». Педант во всём и невыносимый зануда, часто поучающий здоровому образу жизни и правилам поведения. А я, конечно, тот ещё зожник¹: и жареного мяса люблю поесть, и сладких вредностей на ночь, и выкурить несколько сигареток в день, и не вписываюсь в его систему поведенческих координат. Только и того, что не пью совсем. Однако кто бы проверял? С его стороны я нередко получала укоры за кофепитие, что чересчур закрытая и избегаю сплочения с коллективом. По мне, так лучше вообще тумбочкой притвориться...

С директором Клёпом Борисом Ивановичем работать легче: получила задачу – выдала результат. И он не вмешивался в процесс. Получив же задачу от Самоносова, я подвергалась контролю на всех этапах её решения, более того, он постоянно вносил предложения в самый последний момент, когда переделывать – хуже некуда. Виктор детально оценивал исполнение, придираясь к таким мелочам, которые и в голову не могли прийти. А его юмор?! Это же титаническое терпение надо иметь! Его шутки на тему моего замужества вообще не укладывались в голову. С любым холостым парнем моего возраста – клиент это или просто партнёр бюро – он неизменно шутил: «Слушайте, а давайте вас поженим?» Вот и приходилось вежливо улыбаться и проглатывать его обидные остроты и сомнительные замечания.

¹ Зожник – от аббревиатуры ЗОЖ – здоровый образ жизни.

Самоносов разговаривал по телефону. Поприветствовал кивком и жестом указал сесть. Я села за приставкой к столу. Стул был ледяной: остыл от прохладного воздуха в кабинете. Я прижала бёдра друг к другу, скрестила ноги в лодыжках и напрягла все мышцы, чтобы сохранить тепло.

– Итак, Ева, – повернулся Самоносов.

– Слушаю вас, Виктор.

– Вы опять в брюках? – вскинул густые рыжеватые брови он.

На этот регулярный вопрос я давно научилась реагировать спокойно, дрогнул только уголок правого глаза.

– Фигура нестандартная – не могу подобрать удачное платье или юбку, – улыбнулась вполне доброжелательно.

Разумеется, всё со мной нормально: и ноги от ушей, если мерить от ушей, и девяносто-шестьдесят-девяносто, если очень приглядеться и похудеть килограмм на десять. Но что ещё я могла придумать, чтобы не оскорбить чувствительное руководство?

Самоносов окинул меня оценивающим взглядом, задержавшись на стянутых в узел волосах, и усмехнулся:

– Наговариваете на себя, Ева. Раз ещё в дверь пролазите, значит, всё отлично! Диета не помешала бы, но фигура у вас аппетитная...

Я внутренне содрогнулась, лишь на мгновение предположив, что могло скрываться за этим «скромным» комплиментом. Слава богу, Виктор женат и, кроме скабрёзных шуток в сторону немногочисленных дам нашего коллектива, больше в нечестивом поведении замечен не был.

– У меня к вам деловое предложение...

Несмотря на то, что я младше Самоносова на пять лет, с самого начала моего трудоустройства в бюро он обращался ко мне на «вы», в то время как остальные, даже сам директор, не церемонились.

– Я открыта для предложений, – с вежливой улыбкой вынула карандаш из волос и ткнула острием в единственную пустую строчку в ежедневнике на сегодняшнюю дату. Это означало лишь одно: снова он придумал нечто, из-за чего придётся вывернуться наизнанку, но исполнить.

– В отличие от предыдущего сотрудника, вы подтянули наш контент. Английская версия сайта идеальная, реклама работает успешно. О нас уже знают в Европе и на Востоке. Совмещать обязанности пресс-секретаря вам удаётся легко... Вы профессиональный журналист, насколько я помню?

Я настороженно кивнула. Что-то не нравился мне этот разговор.

– Так вот – нагрузка стала меньше, поэтому, исходя из экономии бюджета, нового сотрудника мы брать не будем. Я хочу вам предложить более плотно поучаствовать в новом проекте и при его реализации стать моей правой рукой...

Это не то, что ожидала, но колёсики быстро завертели в голове, начиная выбрасывать варианты, чем для меня обернётся это предложение. Правая рука – это частое взаимодействие с Самоносовым. Чаше, чем он заходил в коммерческий отдел. Обращения «к юбке» станут регулярными. Рекомендации по диете не реже трёх раз в день. На кофе, без которого я просто не мыслю существования, придётся выходить в холл здания за железной дверью, чтобы не получать регулярные упрёки. Никаких леденцов и наушников, которые помогают сосредоточиться, когда работаю с сетями, перевожу, веду переписку с партнёрами и пишу статьи на сайт. Никаких духов и лака на ногтях – Самоносова они раздражают. И не дай боже затянуть волосы в хвост². А ещё Виктор любил покопаться в частной жизни других, желая знать всё о своих

² Прим. автора: слово «боже» с ударением на Е в данном случае использовано для усиления иронии.

подчинённых, якобы тем самым добавляя дружественного настроения и проповедуя сплочение... Но на препарирование личного кокона у меня аллергия... Я мысленно хлопнула себя по лбу.

—...вы переедете в мой кабинет и будете осуществлять контроль над реализацией проекта,— продолжал он, указывая на место за вторым столом в углу, где всегда сидел младший архитектор Филипп Корнеев, к слову, приятный парень.— Вы всегда выполняли мои поручения, и, в принципе, меня устраивало...

«Что значит — «в принципе»? То есть всё-таки не доволен?»— внутренне возмутилась я, сильно сжав карандаш.

— Спасибо за доверие,— снова улыбнулась и опустила глаза на остроугольную каракулю, которую помимо воли начала вырисовывать рука.— А как же Филипп, он не обидится, что его выселяют?

— Я давно планировал его пересадить в отдел к коллегам. А на новый проект столько надежд и планов, что нужно держать руку на пульсе. Нагрузка увеличится, поэтому без помощника и контролёра процессов на всех уровнях мне не обойтись.

Я бросила взгляд на открытую фрамугу и улыбнулась:

— Главное — не околеть. Вы же знаете, какая я мерзавка...

Шутки шутками, а этот вопрос волновал. Мама с детства называла лягушкой, потому что у меня всегда ледяные руки и ноги. Я патологически мёрзну, а для нормального функционирования всех моих умственных и физических систем нужны были двадцать семь градусов по Цельсию как минимум, а если все тридцать — блаженство в квадрате. Естественно, что мне не хотелось менять тёплый уголок на ледяной. Всё смогу стерпеть, но холод станет ежедневной пыткой.

— Я думаю, мы найдём компромисс,— ответил Виктор и подмигнул.— Ну что, согласны?

— Но вы готовы к тому, что я всё же гуманитарий и не разбираюсь в инженерных вопросах?— решила уточнить.

— А что, вы не уверены в себе?— с хитрецей во взгляде спросил он.— По-моему, вы неглупая...

«Причём тут ум и тип мышления?»— недоумённо слотнула я, но ответила другое:

— Хотелось бы надеяться, что задачи будут посильны...

— Всё, что тренируется, то развивается!— категорично выдал тот с абсолютной уверенностью, что его вопрос о согласии — всего лишь дань вежливости, а так — дело решённое.— Пора выбираться из скорлупы, Ева. Итак, каков ваш положительный ответ?

Но каким ещё мог быть мой ответ, если это добровольно-принудительное предложение? Сказать «нет» второму партнёру-собственнику архитектурного бюро, значило бы противопоставить себя ценностям фирмы, за которые тот так радел. А «да» грозило пением регулярных мантр по сохранению равновесия.

«О-м-м... О-м-м»,— помимо воли запело сознание.

— Что ж, давайте попробуем,— ответила с учтивой улыбкой и поставила жирную точку в своём ежедневнике. Грифель карандаша звучно щёлкнул, и длинный острый кусок графита покатился по столешнице.

— Тогда садитесь ближе, расскажу вам о проекте,— ухмыльнулся Виктор и развернул ко мне монитор.

Глава 2

Уходя домой, только и думала о том, как поменяется каждый мой день. Так не люблю резких перемен! Всё новое сковывает, и долго не могу войти в колею. А сейчас нужно привыкать к новым правилам поведения, постоянному контролю и критике, живо реагировать на нового шефа... вообще, реагировать, потому что я, скорее, слушатель, чем активный собеседник, а также к необычным заданиям и поручениям, к тому, что теперь мне должно быть впереди планеты всей и вовлекаться в общение с теми, с кем не слишком удаётся. Я боялась, что под влиянием небыстрой адаптации не смогу сразу быть эффективной, и это вскоре разочарует нового шефа. А его отношение напрямую отражается на бонусах – это в коллективе знают все.

На самом деле, мне довольно неплохо работалось в бюро уже почти год, хоть и по-прежнему посматривала на вакансии с режимом хоум-офис. В целом коллектив устраивал, отдельные его представители даже радовали. Нигде не бывает идеально. Я стараюсь не выделяться замкнутостью, даже острить умею, когда атмосфера и люди располагают, но интроверту всегда лучше работается наедине с монитором и клавиатурой.

Несмотря на то, что в определённый период жизни пришлось наточить зубы: могу не соблюдать общепринятых правил, отстаиваю своё, если объективно понимаю, за что борюсь, – в корпоративной среде я всегда соблюдала установленный порядок и не нарушала личного пространства других. Я стремлюсь избегать конфликтов. Однако, потому что ни с кем не общаюсь на личные темы, в застольях не участвую, не присутствую на корпоративах, не все коллеги воспринимают меня, как своего. Нелюдимою в глаза не называли, разве что кошкой, которая гуляет сама по себе... Теперь же понимаю, что удостоюсь массы новых прозвищ и насмешек: на меня возложили контроль сроков выполнения задач по новому проекту и дисциплины, которая как-то ослабла после ухода ГИПа³. А наши «креативные» сотрудники не выносят вмешательства в их работу вообще и некомпетентных коллег в частности. Я не инженер, даже не дизайнер. В бюро практически одни мужчины от двадцати семи до тридцати пяти лет, но ведут себя, как подростки в пубертатный период. Мне же придётся договариваться со всеми ними и вырабатывать терпение.

* * *

Я сбежала по ступеням к парадной двери и вышла на улицу. Взглянув на часы, поняла, что успеваю на свой троллейбус. Но, сделав первый шаг с крыльца, чуть не поскользнулась, вновь наступив на какой-то флаер.

Голова закружилась, мгновенно потемнело в глазах, не так, как обычно, а словно цветная воронка спиралью пошла. «Наверное, пора менять линзы», – мелькнула мысль. Едва сохранив равновесие, разогнулась, тряхнула головой, поморгала и потянула плечи назад. И тут же ощутила чьи-то крепкие пальцы на локте, а следом раздалось:

– Всё нормально?

Я мигом отдернула руку и отшатнулась.

– Эй, ты чего? – удивлённо вскинул брови Филипп.

С детства не переносу, когда ко мне прикасаются без разрешения. Вообще не люблю рукопожатий, невинной поддержки за талию или за спину, лишних обнимашек, тем более от чужих... Но это был тот самый Корнеев, которого скоро выселят из кабинета Самоносова – простой дружелюбный парень. Пришлось растянуть губы в неловкой улыбке, чтобы разрядить атмосферу и скрыть раздражение, шипами полезшее из-под кожи.

– Напугал...

– Сорян... Увидел, что ты шатаешься, думал, щас грохнешься в обморок...

³ ГИП – главный инженер проекта.

– Не дождёшься!– засмеялась, поправляя ремень сумки на плече.

– Давай довезу?– кивнул Корнеев на свой ярко-синий джип-пикап.

– Спасибо, Филипп, но я сама.

– Да ладно, мне не сложно. Посмотрю хоть, где ты живёшь...

– Нет, с тобой болтать надо, а я по дороге хочу над статьёй поработать,– шутливо отмахнулась я.

– Ты совсем зависла в сетях, на новогоднем корпоративе не была. Замкнулась в четырёх стенах. У тебя хоть друзья здесь появились?

«И откуда ты только знаешь?»– недовольная его проницательностью, подумала я и отвернулась к тротуару.

– До завтра, Филипп...

– Ева, пора что-то менять... Так нельзя...

«Может, ты и прав... но не прямо же сегодня...»

Хороший он был человек, с юмором и душевный, пожалуй, единственный, с кем говорила с удовольствием и шутила, но мне не хотелось развивать дружеских отношений. С некоторых пор перестали интересовать связи с внешним миром: не до развлечений, не до посиделок за чашкой кофе, не до откровений...

И нет, я не была вещью в себе. Ведь и на журфак поступила осознанно. Но в какой-то момент поняла, что всем тусовкам предпочитаю уединение. Все самые лучшие проекты получались, когда работала одна. Я всегда была как бы наблюдателем со стороны, а после гибели родителей что-то перевернулось внутри – совсем закрылась. С трудом схожусь с новыми людьми. После переезда до сих пор не завела даже приятельских отношений, сидела в компьютере и корпела над контентом и платными статьями. И меня это устраивало. Просто некогда было подумать о другом...

Я остановилась у пешеходного перехода. Горел красный свет светофора. Отведя капюшон пальто в сторону, посмотрела налево: машин не было, а мой троллейбус как раз стоял на повороте к остановке, и, если пробежусь, как раз успею. Шагнула вперёд, и вдруг из-за проулка на огромной скорости, гудя движком, вынесся чёрный БМВ. Я ускорила, но тот едва не зацепил меня бампером, а после, визжа тормозами, резко остановился.

Водительская дверца распахнулась, из машины вышел высокий впечатляющих по сравнению со мной размеров мужчина. Я машинально оглянулась и поджала губы. Ведь сейчас догонит, если не вытряхнет душу, то покроет матом – не отмоюсь. Но мужчина замер на месте и молча с возмущённо-испуганным выражением на лице смотрел на меня.

– Извините,– пробормотала виновато, надвинула капюшон и побежала к остановке.

Двери троллейбуса закрылись перед самым носом, и водитель принципиально не дождал меня, хотя видел в зеркало, что бегу. Я склонилась к коленям, выдохнула разгорячённый воздух и выпрямилась. «Ладно, сама виновата...»

Заправляя сбившиеся у лица волосы под капюшон и поворачиваясь к дороге, уткнулась взглядом прямо в чёрный БМВ. Стекло медленно опустилось, и раздался мужской ниже привычного голос:

– Девушка, я так понимаю, ваш троллейбус ушёл?

Сведя брови, настороженно покосилась на окно. Мужчина лет тридцати с густой тёмной шевелюрой и широкими бровями, но аккуратной бородой, широкоскулый, вполне себе симпатичный, даже несколько харизматичной славянской внешности приветливо смотрел на меня.

– Это не единственный,– сухо ответила, зная, что следующий будет примерно через тридцать минут, когда в своих кедах успею продрогнуть до мозга костей.

– Раз уж мы друг друга так напугали, давайте я хоть подвезу вас?– предложил он.

Из окна пахло теплом, а у меня, наверное, уже нос покраснел. Да и мужчина не вызывал неприятия, наоборот, впечатлил. И всё же я не решалась: «Ну зачем мне это? Чужой человек... Вдруг маньяк...»

– Не бойтесь, не укушу я вас, – вполне доброжелательно продолжил тот.

Я мельком окинула толпу на остановке, которая затихла и, казалось, ждала моего ответа, любопытно глаза то на меня, то на БМВ, и неожиданно для себя шагнула вперёд, открыла дверцу и села в машину.

– Ну... раз обещаете, – протянула я, снимая капюшон.

Водитель довольно улыбнулся, но не как маньяк, завлёкший жертву, а просто так, с пониманием и смущённо.

– Правил вы, похоже, не соблюдаете? – мягко трогаясь с места и встраиваясь в череду машин, усмехнулся мужчина.

– Вы про то, что нельзя садиться в машину к незнакомцам? – усмехнулась в ответ.

– Я про то, что нельзя переходить дорогу на красный.

– Все мы иногда балансируем на грани, – пожала плечами я. – А вы всегда такой лояльный к нарушителям? Я ведь вас чуть не подставила... За что ещё раз простите.

– Ерунда, – мягко ответил он и оглянулся. – Главное, что никто не пострадал.

Пока снимала перчатки, засовывала их в сумку, мужчина разглядывал меня. Я поскромничала и просто огляделась, чтобы не выглядеть напряжённой. Взгляд привлёк забавный брелок, висящий на зеркале заднего вида, – калейдоскоп из моего детства. Жутко захотелось в него поглядеть. Ведь мой разбился на второй день после покупки, и я не наигралась. Другого мне больше не купили, а неутолённое желание иметь такую игрушку так и осталось в памяти.

– М-м, какой раритет, – ностальгически улыбнулась, кивая на брелок.

– С детства. Недавно разбираю коробки на чердаке... – непринуждённо поделился незнакомец. – Меня Макс зовут.

– Е... – начала я, но, снова не ожидая от себя, выговорила совсем другое имя: – Елизавета...

– Красивое имя.

– Обычное...

«Куда лучше Евы Кот, над которым он тут же начнёт иронизировать».

– Куда едем, Лиза?

– О, мне только до перекрёстка Абрикосовой, а там я пешком, – поосторожничала я.

– Мне не трудно, – снова внимательно посмотрел на меня Макс.

Я не удержалась и повернула к нему голову. И немного оторопела, утонув в его больших золотисто-карих глазах с пушистыми ресницами. «Какой большой, сильный... надёжный...» – почему-то подумалось мне. А когда он моргнул, смущённо отвела глаза и sluкавила:

– Просто по пути нужно зайти в несколько мест.

– Хорошо, – легко согласился он и свернул на другую дорогу, по которой и покатил с ветерком.

К моему району мы добрались за каких-то десять минут. За это время Макс несколько раз оборачивался и разглядывал меня, но больше ничего не сказал, будто не хотел навязываться. А я всё думала, почему бы ему не попросить номер телефона и не пригласить меня на кофе. Я бы не отказалась... Наверное...

Однако на обозначенном перекрёстке Макс вежливо улыбнулся и разблокировал дверной замок.

– Ну... удачи, Лиза... И берегите себя.

– Спасибо, Максим, – улыбнулась учтиво, а потом вышла и не оглядываясь пошла к своему проулку. «Наверное, у такого красавца есть девушка, а со мной он был просто вежлив... Ну и слава богу... Ты же не хотела нарваться на маньяка... Или хотела?»

Фыркнув от смеха, стянула края капюшона к лицу и, передёрнув плечами, ускорила шаг. До дома рукой подать.

Всё же странно вышло: я не хотела садиться в машину к знакомому мужчине, а к этому незнакомцу села без особых размышлений. Может, потому что решила дать шанс симпатичной мордашке? Или уж так подействовали слова Корнеева: «Пора что-то менять», или та дурацкая фраза с флаера?

Раньше с парнями общаться было проще, но я перестала подпускать их слишком близко. Нет, я не сторонилась мужчин, но очень осторожничала. А в этом городе и совсем не спешила со знакомствами.

Я ещё не была замужем, не знаю, когда туда соберусь. Да и вариантов никогда не было. Как-то само так получалось. В юности упорно училась, оправдывая высокие ожидания родителей, и не смотрела по сторонам. Потом устроилась журналистом в известную газету, мигом заслужила признание за вдумчивые и глубокие работы, вот и легла на волну успеха и трудилась ещё усерднее, самой себе доказывая, что способна на большее... А потом всё развалилось: мне изменила сама жизнь, а за ней последовали и друзья, и успех.

Всё усложнилось после дня похорон родителей. Михаил – близкий друг семьи, с которым дружила со школы, остался со мной в тот вечер, всё утешал. И я не заметила, как он перешёл границу. Он не был пьян, но я – разбита, от горя едва узнавала себя в зеркале и не особо понимала, что происходит вокруг. Всё случилось так быстро, сознание даже не успело отреагировать. Только наутро пришли картинки... воспоминания, и было так противно, видеть этого «друга» не могла. И вроде не насиловал, но мерзко как-то стало, ведь я лежала пластом, неужели не видел, что мне уж точно не до секса? Тем более первого в жизни...

Конечно, мы взрослые, сама допустила, но сознание вины не остановило, когда через пару дней он пришёл с цветами, а я отхлестала его букетом и запретила появляться на пороге. Две подруги из нашей компании, узнав о случившемся, ещё и обвинили в том, что сама дала повод Михаилу надеяться на большее. Оказывается, он был влюблён в меня со школы. Только почему-то я узнала об этом в такой унижительной форме, ведь признаков абсолютно не было... Он даже на свидания не приглашал. А зачем людям дан язык? Чтобы доносить знакомое и прояснять непонятое, а ещё быть честными, – так говорил мой профессор журналистики.

Всё случившееся и без того в такой сложный период сильно зацепило. Отчаяние и боль от потери родных, сознание новой ответственности, страх неудачи наслоились на омерзение и враждебность к привычному окружению. Я закрылась. Журналистикой заниматься больше не смогла. Поэтому переехала не просто в другой город, а в другую область, поэтому не заводила друзей, поэтому оберегала свой новый дом от посторонних.

Прошло уже несколько лет, пора было что-то менять. Только что именно? И как? Ведь мне не то что не хотелось, просто было некогда об этом подумать...

В бюро никто и не догадывался, какую затворническую жизнь веду. И всё же я не была сумасшедшей одиночкой. Фамилия Кот связывала меня не только с ушедшими родными, но и кое с кем ещё...

Глава 3

– Эй, гномики, я дома!– намеренно медленно открыла дверь дома, чтобы та таинственно скрипнула.

Сначала тишина. Но через пару секунд раздалось частое шлёпанье босых ножек по ламинату.

– Ева, Ева...– зазвенел нежный голосок, и крохотные ручонки потянулись ко мне.

Я бросила сумку у порога и присела на одно колено.

Соня и Илюша – сестра и брат – вот кто важнее всех в этом мире и держит меня на плаву. Ради них я научилась многому и каждый день не опускаю руки, ради них купила этот маленький домик на окраине с небольшим двором, закрытым со всех сторон пышными кустами и деревьями, нашла работу, где платят выше среднего по городу, и делаю всё, чтобы они были здоровы и счастливы. Им всего по пять, они двойняшки и самые солнечные малыши на свете.

– Привет, моё солнышко!– обняла сестричку и прижала к груди крепко-крепко.– Я так соскучилась...

– И я...

– Добрый вечер, Ева,– вышла навстречу пожилая женщина – наша няня и прошептала:– Илья, как всегда, спрятался. А мне уже пора скотину кормить. Дети поели, так что до понедельника.

– Спасибо, тётъ Ларис. Сегодня аванс задержали. Я рассчитаюсь с вами в понедельник,– поднимаясь с Соней на руках, ответила я.

– Пока, Лалиса,– помахала Соня вслед няне.

– Вы выполнили все задания, что я вам оставляла?– отняла малышку от плеча и посмотрела в её светлое личико.

– Я всё, а Илья не захотел,– улыбнулась она беззубым ртом и сунула указательный пальчик за щёку.

– Что, чешется?– поцеловала её в висок.– Это у тебя золотой зубик растёт... М-м, как же ты вкусно пахнешь, гномик... А чем у нас Илья занимался?

Опустила Соню на пол, сменила обувь, переоделась, прошла в гостиную и поискала светлоголовую макушку. Та выглядывала из-за подлокотника кресла.

– Ага... Он у нас опять невидимка?– игриво начала я.– Но это не спасёт его, когда пойдёт в садик.

– А я не пойду! Там нет человеков-пауков,– послышался тонкий голосок брата, любителя марвеловских комиксов. Это у него от меня: обожаю триллеры, шпионские страсти и супергероев.

– Мне звонила заведующая и сказала, что к лету два места точно освободятся. Так что...

– Мне нлавится, когда ты с нами, а не Лалиса...– перебила меня Соня и обняла за бедро.

– Гномик, я же не могу оставлять вас на весь день одних. Кто же вас покормит?– снова подняла малышку на руки и потёрлась о её бархатистую щёчку носом.

– А мы сегодня червяков ели,– выскочил из-за кресла Илья и, имитируя лошадку, подскакал ко мне.

– Это каких же?– шутливо округлила глаза я.

– Лалиса нам из моклых блинов делала,– засмеялась Соня, радуясь, что смогла меня удивить.

– А мне оставили червячков?– пощекотала обоих, и мы пошли на кухню искать волнистые полоски из блинного теста, которые часто делала няня, когда ничем не могла накормить моих непосед.

Малыши всегда радовались, когда я возвращалась. Кормили меня, наносили игрушек в гостиную, чтобы поиграть вместе. Сияние их глаз, неподдельная нежность и трепетные объятия, смех, писк и болтовня оживляли. Мы ужинали, я проверяла их задания, обязательной программой было разучить новый короткий стишок, а потом или читали сказки, или усаживались в одно большое кресло и смотрели какой-нибудь фантастический мультфильм.

Чаще всего малыши засыпали у меня на руках. Я по очереди относил их в спальню, потом долго сидела между кроватками и разглядывала крохотных сопелок. Какие уж тут корпоративы и застолья, когда мои детки сидят дома из-за того, что нам никак не выделяют места в детском саду, а я вынуждена нанимать пожилую соседку в качестве няни и работать даже дома, чтобы всех нас содержать. Тётка Лариса – женщина порядочная, добрая, но скупая на эмоции и молчаливая, да и здоровьем слаба – лишний раз никуда моих сорванцов не выведет. А Соне и Илье не хватает тепла, общения и активных развлечений.

Конечно, очень хотелось, чтобы у нас появился кто-то надёжный и сильный, чтобы иногда опираться на него, ведь часто не хватало сил, чтобы просто отвести малышей в зоопарк или развлекательный центр. На себя у меня давно нет времени. И тогда единственная утешительница – моя подушка. Но и слезы я позволяла себе нечасто. Слишком трудно выплывать из уныния, а надо быть сильной или хотя бы выглядеть таковой. Малышам нужно чувствовать себя в безопасности и уверенности, чтобы не закрыться от мира, как я...

Илья ложился спать рано, поэтому в полдевятого сразу после мультфильма, получив порцию трогательных обнимашек, я уложила его, наконец, сняла линзы, надела обычные очки и ушла в гостиную гладить детское бельё. А Соня – сова, и, пока я гладила, она играла с куклой на полу у батареи, советуясь со мной, какое платье больше подойдёт Барби на свидание с дракошей.

Играя с Соней, я попутно обдумывала план работ в новом назначении. Но прийти к какому-то осмысленному пониманию своей роли в проекте, не до конца вникнув в задачи, было сложно. Поэтому решила оставить это до понедельника и включила телевизор. На киноканале только начался фильм «Война миров Z» – зомби-апокалипсис. Я не раз смотрела этот катастрофический фильм ужасов, и сейчас он как нельзя лучше отвлекал от лишних переживаний.

Пока на экране разворачивались события, мне почему-то вспомнился Макс. Может, бородатый Брэд Пит напомнил, а может, запала в душу та короткая поездка с симпатичным мужчиной с низким голосом, от которого вибрировало в груди.

Засмотревшись, как зомби с выпученными белыми глазными яблоками несутся на Брэда, я прижала к животу стопку отглаженного белья, села на край кресла и мечтательно улыбнулась: «Вот бы встретиться с ним ещё раз, и чтобы он был свободен... Может, я понравилась бы ему...»

Глава 4

Уткнувшись носом в футболку Сони, я на секунду прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Родной запах малышки и «свежесть альпийских гор» погрузили в тоскливо-романтическое настроение. Хотелось не быть одной, и, чтобы тот, кто окажется рядом, полюбил моих малышек так же, как я...

– Мы были бы счастливы... – проронила с тоской, а на вдохе чуть не задохнулась, потому что воздух неожиданно стал ледяным.

Внезапно невидимой волной меня отбросило к спинке кресла... Я растерянно заморгала. Глаза стали искать опору для тела, потому что я перестала ощущать сиденье под собой, видеть стены, потолок и понимать, почему не могу шевельнуться... Только с экрана телевизора кто-то истошно кричал...

Потом всё разом проявилось. Стены комнаты стали раздвигаться и менять цвет, воздух показался не то густым, наполненным чужим, неизвестным запахом, не то душным и тяжёлым. В груди защемило от волнения, и заложило уши.

В голове будто тысяча гонгов зазвенело, язык стянула горечь. Сердце бешено заколотилось, но взгляд замер на какой-то пылинке, как в замедленной съёмке, плывущей в воздухе.

И вдруг раздался возмущённый голос:

– Лиза, ты что сидишь?! Мы опаздываем! Ты не видела мои часы? Опять куда-то запропастились!

«Кто это?!» – потрясённо подумала, и с трудом сглотнув, повернула голову на звук.

В гостиную вошёл незнакомый мужчина: высокий, крепкий, темноволосый, с густой бородой и роскошной шевелюрой. Стального цвета пиджак по фигуре, светло-сиреневая рубашка и чёткие стрелки на брюках – совершенство в идеальной упаковке. Я медленно перевела взгляд на пол и увидела его туфли: новёхонькие, начищенные до блеска, с идеальной шнуровкой.

Всё, что чувствовала до этого момента, вытеснила единственная мысль: «Как он дорого одет!»

Мужчина прошёл к большому комоду, затем к журнальному столику, вытряс газеты из корзины под ним и снова спросил:

– Что ты молчишь, Лиза?

Медленно проследила взглядом за передвижением незнакомца и, пока тот перебирал что-то в руках, с немыслимым удивлением отметила, что мне незнакомы мебель, стоящая в комнате.

Губы невольно разомкнулись, и я стала озираясь с открытым ртом как зачарованная, не узнавая свою гостиную: «Откуда все эти вещи? Это не мой дом!..»

И вдруг мужчина резко остановился передо мной и недоумённо прищурился.

– Лиза, ты ещё не готова?! Я же видел, как ты одевалась... Во что ты одета?! А что с твоими волосами и лицом?

Похоже, он был шокирован не меньше меня. И зол.

Я впервые взглянула ему в глаза. И вдруг поняла, что знаю его. Онемев от удивления, вжалась в спинку кресла.

Это был Макс!

– Лиза! – недовольно окликнул тот и чуть склонился ко мне.

Воздух колыхнулся у лица, я почувствовала аромат его одеколона и ещё чего-то приятного – съедобного, что даже перехватило дыхание, а в животе тоскливо заурчало. Блинчики в виде червячков были не слишком сытными. «И... кажется, я их ела с кем-то ещё... Тут ещё кто-то есть?»

Смятенно подняв глаза на Макса, я замерла: до чего же он хорош!

– Ты ужасно выглядишь! И похоже, издеваешься надо мной?– с ещё большим недовольством произнёс он.

– Максим, что вы здесь делаете?– проговорила еле слышно и нервно усмехнулась.

Тот выпрямился и хмуро заключил:

– Издеваешься. Я понимаю, что тебе не хочется ехать к Раевским, ты терпеть их не можешь. Да, они зануды и сплетники, но это мои партнёры. Мы тысячу раз обсуждали это и вроде бы договорились?

– Да что происходит?!– выдохнула я, всё больше впечатывая спину в кресло.

– Ты снова выпила?– ещё ниже склонился Макс, и его ноздри вздрогнули, как если бы он принюхивался.

Я снова огляделась, сжала сиденье пальцами, опустила голову и, увидев свои джинсы, натянувшиеся на коленях, завязанные узлом полы рубашки на талии, окончательно убедилась, что это не галлюцинации, но нечто такое, о чём и представить себе не могу.

– Я не пью,– проронила тихо, обиженно.

– С каких пор?– хмыкнул тот.

«Почему он на меня кричит?! Я ничего ему не сделала. Мы даже не знакомы толком!»– зашевелились возмущённые мысли, и я выпрямилась в кресле.

– Так, Лиза, хватит с меня твоих истерик!– твёрдо бросил Макс и отвернулся к выходу из гостиной.– Пока ищут часы, ты живо приводишь себя в порядок! И знать ничего не хочу!

Он посмотрел на электронные часы на полке и недовольно покачал головой.

– Чёрт, в салон уже заехать не успеем. И что ты только сделала со своей головой?!

Непроизвольно я ощупала макушку онемевшими пальцами. На голове были волосы. А что ещё там должно было быть?!

Макс вышел раздражённый. А я почему-то сипло захихикала, но продолжала сидеть и озираясь. «Что со мной происходит? И ладно бы была пьяна, но я алкоголь в рот не брала с похорон. И кто этот мужчина? Почему он называет меня Лизой? Хотя... в машине я сама так ему представилась... Но откуда всё это – мебель... шторы... белый ковёр... камин?! Я же не схожу с ума?..»

Я твёрдо покачала головой, дрожащими ладонями умыла лицо, ощупала плечи, грудь, живот и резко поднялась.

Ничего не произошло, кроме того, что в затылке немного зазвенело. Я стояла на белом ковре в центре большой гостиной в совершенно незнакомом доме, среди незнакомых вещей, и где-то рядом слышалось недовольное бурчание едва знакомого мужчины.

«Я не сумасшедшая!– убеждала себя, щипая предплечья.– Я же чувствую запах, тепло, ковёр под ногами, слышу голос... Где я?!»

И вдруг пришла ясная твёрдая мысль, которая объясняла всё: «Это сон! Когда сон, как реальность... Мне часто снятся такие... Но этот до мурашек реальный...»

Я обвела небо языком, сглотнула, будто пробуя на вкус эту реальность, и медленно обошла комнату. Заглянула во все углы, и тут взгляд остановился на зеркале над камином. Моё собственное отражение смотрело на меня изумлёнными глазами.

Я была в той же одежде, в которую переоделась, придя с работы. И всё же что-то не давало покоя. То, что на мне не было очков, которые надела перед глажкой белья, – это одно, но то, что всё окружающее я прекрасно видела и точно без линз, – удивило.

– Ну точно сон!– выдохнула я.

– Ты одеваешься или нет?– строго спросил Макс из холла.

Я отвлеклась от зеркала и оглянулась. «Кто этот мужчина?– всё же задавалось вопросом сознание. И вперемешку с тревогой и теперь уже неуёмным любопытством я хотела найти ответ.– Даже если это не сон, а сумасшествие, то сопротивление бесполезно. А если сон... то о-

очень любопытный!.. Кажется, он куда-то меня звал? Я должна одеться? Значит, здесь должен быть, по-видимому, мой гардероб...»

Я повернулась к широкому арочному выходу из гостиной и почти вышла, как взгляд зацепился за маленькую рамку с фотографией, стоящей у самого выхода на стеклянной полке. На ней была девушка в ярком цветастом платье и мужчина. Они сидели на качелях и обнимались. Лица их светились счастьем и любовью. С изумлением поняла, что девушка на фотографии – я, а мужчина – Макс.

Я взяла рамку, прижала к груди и тряхнула головой. «Так... без паники... Я точно сплю! Ничего страшного не происходит. Зомби не колотят в дверь... И Макс, хоть и раздражён, но не опасен... Только мороз по коже... Закурить бы...»

Едва подавив дрожь, я зажала губы ладонью и, стараясь дышать ровно, переключилась на другие снимки.

Неожиданно раздался громкий звонок телефона. Не моего. Айфона. Я выронила рамку, испугавшись, что трель может кого-то разбудить. Но сама не поняла, почему подумала об этом, и осторожно выглянула из арки.

Макс по-прежнему стоял в холле у высокого зеркала и надевал на запястье, вероятно, найденные часы и одновременно говорил в трубку, зажатую между ухом и плечом:

– Да, мы почти вышли... Извини, немного опаздываем...

– Новому главе IT-отдела простительно, – слышалось из трубки.

– И всё же извини, день рождения всё-таки...

– Да ничего, – посмеялся неизвестный. – Главное – приезжайте. Ты же знаешь мою Людмилу, она тоже не успевает собраться вовремя.

– Отлично! Моя тоже не успела навести порядок на голове, – ответил Макс и хмуро покоился на меня, а уже положив трубку, пробормотал: – Или в голове...

Я спряталась за арку и с досады прикусила губу: не слишком-то хорошо он отзывался обо мне. Даже какая-то резкость в тоне. «А ведь мы практически не знакомы! «Моя» – это же он обо мне? Интересно, что у нас с ним за отношения?..»

Бросив взгляд на самую большую фотографию, обомлела.

«Офигеть! Меня зовут Лиза, и я замужем за Максом! Ну ничего себе! – подумала, разглядывая себя в роскошном свадебном платье, которого у меня точно никогда не было, и ещё шире раскрыла рот, заметив на фото дату события: 29.02.2013. – Две тысячи тринадцатый?! Мы женаты шесть лет?!»

– У тебя что, приступ ностальгии? – проворчал Макс, заглядывая в гостиную. – Твоё счастье, успеешь сделать причёску...

Мельком покосившись на него, привстала на носочки и, как мышь, проскользнула мимо, да прямо в дверь справа от гостиной. Что было за ней – совершенно всё равно. Я была в таком восторженном недоумении, что хотела две абсолютно противоположные вещи: скрыться с глаз мужчины и, наверное, не просыпаться, чтобы узнать, чем закончится это невероятное явление.

Я уже не боялась. Мозг напрочь отказывался воспринимать ситуацию как реальную, меня не парализовало страхом, а только будоражили удивление и любопытство. И немного беспокоило ощущение, что в доме должен быть кто-то ещё, но кто и почему – не знала...

Комнатой за дверью оказалась спальня.

– Ух ты! – пискнула я, не ожидая увидеть такую роскошь.

Чистота и порядок потрясали. Почему-то в моём доме всегда всё разбросано по полу... будто у меня куча детей. «Когда же я успеваю так прибираться? – пришла глупая мысль. А следом и смущение, потому что, увидев широкую идеально застеленную кровать, представила на ней себя и Макса. – Офигеть, я шесть лет сплю с таким мужчиной!..»

Услышав шорох в коридоре, обратилась к зеркальному шкафу-купе. С нетерпением распахнула его и ахнула:

– Какой выбор!

Проведя ладонью по плечикам с женской одеждой, с завистью подумала: «Вот бы утянуть несколько вещей в мой шкаф... Где такое в реальности купишь? Интересно, а что я должна надеть? Макс говорил о дне рождения? Наверное, что-то типа этого...»

Протянула руку в самую глубь шкафа и достала плечики с потрясающим платьем из атласа стального цвета, как раз под костюм так называемого «мужа».

«Неужели оно и размера моего?» – прижав платье к плечам, разочарованно покачала головой. Оно действительно было моего размера.

– Я что, и здесь толстая? – поморщилась себе в отражение. – Нет, слишком откровенно и холодно...

Спину я никогда не оголяла: кожа слишком чувствительная и часто в красных пятнышках, будто в прыщиках.

Убрав откровенное платье назад, достала менее открытое, тоже весьма стильное, и стала переодеваться. И, пока втискивалась в трикотаж, не покидало смутное беспокойство, что в этом сне всё слишком детализировано. Никогда ещё не видела такого, чтобы всё напоминало цифровую запись, фиксирующую каждое мгновение, каждую мелочь, глоток воздуха, температуру... Но разобрать это подозрение не хватило времени: в комнату вошёл Макс. Я оторопела от смущения.

Платье было не застёгнуто: всё ещё пребывая в некоторой растерянности, я не сразу поняла, что выбрала наряд с пуговицами на спине, и теперь маялась, пытаясь достать каждую. Но Макса не интересовала моя оголённая спина, он равнодушно подошёл и ловко застегнул пуговицы.

– Ты всегда мучаешься с этим платьем. Давно пора его выкинуть.

– Что я вам сделала, что вы так злитесь на меня?! – уже открыто возмутилась я.

– Я никогда не злюсь. Ты прекрасно знаешь, какое у меня терпение. Но судя по тому, что ты стала называть меня на «вы», у тебя действительно дурное настроение. Ты кого угодно из себя выведешь! – хмыкнул Макс и вышел.

«Я?! – обиженно дёрнула плечом. – Да когда бы я тебя успела вывести?»

Но всё это – сплошное недоразумение, и искать в нём логику бессмысленно. Лучше было бы проснуться, потому что мне не нравилось быть замужем за таким недовольным субъектом.

Я зажмурилась и сильно ущипнула себя за бедро. Но... ничего не изменилось. Ущипнула ещё раз – результат тот же, только поморщилась от боли. Будет синяк!

– Ну, окей! Посмотрим, чем закончится! – проворчала я и решительно накинула на плечи тонкий норковый полушубок. – Мой сон! Что хочу, то и делаю!

За туалетным столиком в углу быстро затянула волосы в высокий хвост, в воздух над собой прыснула неизвестного парфюма, оказавшегося довольно приятным, и, подкрасив губы блеском, покинула комнату.

Макс мрачно топтался у выхода. Он критично окинул меня с головы до ног, вздохнул, мол, «слава богу, дождался», и открыл дверь.

«Все-таки внешность у него харизматичная, но внутри – тот ещё тиран... А по первому впечатлению и не скажешь...»

В лифте мы тоже молчали. Макс стоял чуть впереди, и я украдкой разглядывала его спину, затылок. От него вкусно пахло, чистенький, красивый. А я давно так хорошо не выглядела. «Конечно, на мне норка за полмиллиона, – чуть не усмехнулась вслух. – И почему я не замужем за ним по-настоящему? Интересно, а у нас дети есть? И с ними он такой суровый? Или просто на работе устаёт?.. Вообще-то, на фото не видела... Но такое ощущение, что кого-то не хватает...» От забавных оправданий сна даже улыбнулась себе в зеркальную панель лифта, наконец, смирившись с явлением.

Мы спустились на подземную стоянку. Макс уверенно шёл впереди, активно печатая кому-то сообщение.

– Садись в машину, я сейчас, – чуть замедлив, сказал он.

Оглянулась на стоянку. Машин было много. В какую я должна была сесть? В реальности у него был чёрный БМВ. Поискала глазами – не нашла. Тогда начала импровизировать: протянула ладонь к «мужу», и мягко сказала:

– Давай ключи.

Макс неохотно оторвался от телефона и хмуро оглянулся.

– Я уже открыл. Иди...

И что я должна была делать? Я слышала писк сигнализации, когда выходили из лифта, но не успела рассмотреть, какая из машин мигнула фарами.

– Хочу включить музыку, – выдумала на ходу.

Макс молча, но не слишком довольный вынул ключ с брелоком сигнализации из кармана пальто и протянул мне. Я нетерпеливо выхватила его и повернулась к ряду машин. Нажав кнопку с замочком, увидела мигание фар слева, нажав повторно, смело двинулась к белому БМВ. Взявшись за ручку передней дверцы, услышала удивлённое хмыканье за спиной:

– Ты всегда ездишь на заднем сиденье, но, сегодня у тебя, видимо, особое настроение...

– На заднем?

«Хорошо, что не в багажнике... Нетушки! Я хочу видеть всё чётко и ясно. Вдруг мы живём в Петербурге, и пропустить всю красоту?..»

– Сегодня – на переднем! – осмелела я и забралась внутрь салона.

– Только потом не ной, что тебе страшно.

«Не ной?! Я что, ещё и нытик?» – скосила глаза к носу я и недовольно захлопнула дверцу.

«Уф, как удобно! – расплылась в улыбке, откинувшись на тёплое кожаное сиденье. – Всё-таки БМВ – шикарная машина!»

Я положила ключ на панель перед рулём и спрятала замёрзшие пальцы в рукава полушубка. Макс сел в машину, включил радио, и через минуту мы выехали со стоянки.

На волне «Европа Плюс» Адель проникновенно запела «Скайфолл». На часах мерцало синим 22:59. Дорога, фонари, машины – ничего особенного и интересного. Я растёрла ледяные пальцы и протянула их к вентиляционным решёткам. И снова увидела знакомый брелок на зеркале заднего вида – калейдоскоп.

«А-а, вот почему мне снится Макс! Зацепил калейдоскопчик!» – догадалась я и с улыбкой, кивая на игрушку, проговорила:

– Откуда он у тебя?

«Разбирал коробки на чердаке...» – вспомнился его ответ.

– А ты не помнишь? – прозвучало удивлённо.

– На чердаке порядок наводил?

– На каком чердаке? – недоумённо оглянулся Макс.

Я стушевалась. И правда, в его квартире нет чердака.

– Ты на удачу подарила... – продолжил он и тут же усмехнулся: – Только на какую – не знаю...

Это было неприятно. Даже обидно. Но я невольно потянулась к брелоку, будто и он мог обидеться.

И в тот момент, когда коснулась игрушки, по руке пошла волна электрических мурашек. Меня вдруг отбросило к спинке сиденья, дыхание оборвалось от воздуха, внезапно ставшего ледяным. А в лобовое стекло ударил свет фар громадного грузовика...

«Я сейчас умру... А у меня же дети!!!» – последнее, что мелькнуло в мыслях, а потом звук бьющегося стекла и звон в голове будто выбил из тела, и я, как в замедленной съёмке, полетела

сквозь лобовое окно вместе со сверкающими осколками, в гранях которых отражались мои испуганные глаза...

* * *

С резким возгласом я распахнула глаза и поняла, что чуть не вывалилась из собственного кресла. Под ноги посыпалось отглаженное детское бельё...

Сейчас я сидела в своём кресле, в своей гостиной. На мне была всё та же одежда: рубашка и джинсы. На экране телевизора Брэд Пит отрешённо шёл сквозь огибающую его волну зомби. В руках я сильно сжимала футболку Сони, а сестра по-прежнему сидела у батареи, кляня носом.

Я потрясённо ощупала своё лицо, волосы и огляделась по сторонам. Краем глаза заметила, что стрелки на часах показывали 23:00. «Сколько я проспала?» – растерянно поднялась и подошла к Соне.

Та встрепенулась и посмотрела на меня сонными глазками.

– Гномик, ты почему меня не разбудила?

Но сестра лишь пожала хрупкими плечиками.

– А скажи-ка мне, я куда не уходила?

Соня долго смотрела непонимающим взглядом и, в конце концов, покачала головой.

– Мы же в куклы иглали, а ты уснула...

Я нахмурилась. Сон действительно был очень странным! И хоть последние секунды были совсем жуткими, глупо считать, что я где-то и вправду находилась. Только удивительно, что помнила всё до мелочей. Даже скрежет стекла по панели... И даже запах парфюма... то ли Макса, то ли мой... Но там я совершенно забыла, что у меня есть Соня и Илья!

– И долго я спала? – снова спросила в противоречивых сомнениях.

– Не знаю, – и сестра потёрла глаза кулачками.

– Ну... как мы в ванне плещемся, или как учим стих?

Соня не любила купаться, поэтому в ванной мы проводили от силы минут семь, но вот стихи разучивали около часа.

– Как стих, – зевнула она.

«Ладно... По фильму как раз и выходит час... Не в самом же деле я была замужем за Максом?» – усмехнулась мысленно и почему-то с сожалением.

– Пойдём спать, гномик? – обняла малышку и взяла на руки.

А когда сама укладывалась в кровать, ворочаясь, чтобы найти удобную позу, почему-то показалось, что меня до сих пор окутывает аромат чужих духов.

Глава 5

Утром ощущения от приснившегося были такими же, как от любого сна: детали помнились смутно, но настроение бодрило, только оставалось лёгкое недоумение.

Я поднялась, выглянула в окно. Снега навалило, как за две зимы, хотя на носу весна. Илья уже тархтел игрушками в детской, а Соня хныкала, что тот её разбудил.

Я потянулась на носочках. В теле было столько энергии, как никогда, и мысль о работе в выходные отвалилась. Захотелось посвятить всё время сестричке и брату.

После завтрака собрала малышей и вывела во двор поиграть в снежки. Но деткам снег оказался по пояс. Лопату я так и не купила. Услышав голоса соседей, кое-как пробралась к забору и попросила инструмент у Инги – девчонки, что пару раз приглашала меня в качестве манекена на практические занятия по парикмахерскому делу. Дёшево и сердито. Она способная, только перебрала с колорированием, но в итоге мне даже понравилось.

Соня и Илья с удовольствием провели полдня на улице, лепя снежных монстров, а я строила для них замок. Никогда не тратила время так бесполезно, когда работы по переводам накопилось, но радость от отдыха с детьми затмевала чувство долга. А в воскресенье мы ездили за город, катались на санках, ледяных горках и ели шаурму с пирожками...

* * *

«Как же было здорово!» – улыбалась я, очищая сапоги от снега на крыльце офиса в понедельник. Казалось, и во мне что-то ожило за эти пару дней. Даже курить не хотелось.

– Ох, какая ты румяная! – встретил меня Филипп. – Привет!

А я открыто рассмеялась, вспоминая красные щёчки и носы своих малышей, их счастливые глаза и визги.

– Тебе так идёт смех! – засмотрелся на меня коллега.

Я смущённо опустила глаза и проскользнула в открытую им дверь холла здания.

– Ты уже знаешь, что я тебя выселяю? – спросила, поднимаясь по лестнице.

– Никому другому я это не позволил бы! Ток тебе! – улыбнулся тот. – Я тебе даже помогу.

– Ты такой добряк, – снова рассмеялась я.

– А ты сегодня светишься вся. Влюбилась, что ли?

Я чуть не споткнулась, переступая порог офиса. Филипп загадочно усмехнулся, потянул за выбившуюся из-под капюшона красно-фиолетовую прядку, подмигнул и пошёл вперёд по коридору. Я лишь проводила его взглядом, недоумённо отмечая, что меня нисколько не задело его прикосновение. Может, я и правда, ожила?

Начав регулярную процедуру приветствия коллег, поняла, что все уже в курсе моего нового назначения, но толком не знали, чем буду заниматься, поэтому пускали в ход самые каверзные шуточки, даже бросили намёк на давно скрываемую симпатию Самоносова.

А войдя в коммерческий отдел, получила указания от нашего менеджера по персоналу Инны Карловны перебираться в новый благоустроенный кабинет главного архитектора. Она выдала ключи от него и планшет, который мне надлежало всегда иметь при себе. Виктор не любил ежедневники и любую информацию сразу просил вносить в систему «Электронный офис».

Сегодня Самоносов задерживался на деловой встрече, поэтому я могла спокойно выпить кофе и устроиться на новом месте.

Только переступила порог кухни, как неожиданно из-за двери с распахнутыми руками выпрыгнул Геннадий:

– Евс Батьковна, потанцуем?

От испуга я шарахнулась в сторону так, что боком вцепилась в косяк.

– Ой, ты чё это? Утро ж доброе! – загоготал коллега.

Филипп, который стоял у окна, сочувственно сдвинул брови, заметив, как я поморщилась от боли. Я же лишь сглотнула, прикрыла глаза, чтобы перевести дыхание, и, выпрямившись, прошла к кофемашине. А внутри клокотало от желания разmozжить голову клоуну об этот косяк.

– Опять ты, Гановский, пытаешься без очереди пробиться?– в поддержке коснулся моего локтя Филипп и протянул яблоко.– Вот я расскажу твоей невесте, что на работе ты не прода- жами, а танцами занимаешься.

– Ой, не гони!– насмешливо отмахнулся Гена, чвиркая кофе из чашки.

Филипп уже хотел выйти из кухни, как «звуковой волной» его чуть не отбросило назад.

– Генка, ты авансовый отчёт не сдал за последнюю командировку!– громко выкрикнула Алевтина, пробегая мимо.

– Не Генка, а Геннадий Василич!– с ярым недовольством выглянул Гановский вслед бух- галтеру.– Смотри не снеси кого-нибудь, стадо слонов. Ни на грамм женственности и такта...

«Как будто такт есть у тебя»,– красноречиво переглянулись мы с Филиппом.

– Вот как ни иду по коридору, ты всё на кухне пасёшься,– вернулась Алевтина и встала стеной в проёме двери.

– Не коридор, а коридор! И не пасусь, а кофе пью!– возмутился тот.

– Иди в задницу, Гена! Отчёт где?– отмахнулась Алевтина и отвернулась.

– Разговаривать бы научилась на культурном русском!– проворчал Геннадий.

«Что за базарная перепалка?»– молча повела бровью я, взглядом прощаясь с Филиппом, и стала протирать яблоко салфеткой.

– Не умничай!– эхом раздалось издалека.– После обеда приду, чтобы отчёт был!

– Не делай вид, что работаешь!– громко огрызнулся Гановский и повернулся ко мне.– Задолбала! Я на всё бюро деньги зарабатываю, мне некогда пустые бумажки заполнять.

Я терпеливо следила, как наполняется моя чашка, и всем своим видом изображала согла- сие. Единственно на переговорах с иностранными партнёрами почему-то рядом с директором сидела я и «культурно» разговаривала на английском.

Только взяла чашку из-под носика кофемашины, как Гановский наклонился и откусил яблоко прямо у меня из руки. Я даже не успела решить, что лучше – не пролить кофе либо спасти яблоко.

– Ум-м, вкусное!– с полным ртом прочавкал тот.

– Можешь забрать,– спокойно протянула фрукт Геннадию и мысленно брезгливо помор- щилась.

– Не-е, я только попробовать...

И Гановский вышел первым.

Я с жалостью посмотрела на надкушенное яблоко, беззвучно вздохнула и выбросила в мусорное ведро.

По мне, лучше бы окружение состояло из меланхоличных тихонь, таких как Тарас Бучера, или типа ботанов на своей волне, как Степан Малечко и Филипп Корнеев, чем из ядо- витых гиен и неотёсанных бабуинов, прикидывающихся царственными павлинами.

Безусловно, одним из плюсов переезда стало то, что я уже не сидела рядом с Гановским, отчасти большое облегчение не выслушивать восхваления самого себя и не отвлекаться на демонстрацию его незаменимости в бюро. Ну и не слышать «культурных» шуток с матом, не смотреть пошлых видео из «ТикТока». Но этот болтун всегда будет раздражать своим демон- стративно-бесцеремонным поведением. Он мог без разрешения залезть своей вилкой в мою тарелку на обеде в местном кафетерии, отпить моего кофе, ущипнуть за бок или перепугать до смерти, ухватив за голень из-за угла... В свои тридцать два – ясли на выезде. Однако я не могла делать ему замечаний или предпринять каких-то кардинальных мер, равно, как и дру- гие коллеги, поскольку Гановский был одноклассником Самоносова и любимцем директора.

Едва кто-то заикался покритиковать его, он сразу насвистывал руководителям какую-нибудь гадость о том сотруднике. Сводя мимолётные разговоры бухгалтера и парней воедино, я давно вывела закономерность снижения бонусов. Связываться с ним – себе дороже. И пока поведение Гановского не переходило границы терпения, я старалась избегать конфликта с ним спокойной реакцией или совсем не замечать его выходок.

* * *

Когда появился Виктор, то поздравил меня с переездом коробкой диетических конфет из сухофруктов.

– Ну что, Ева, начнём совместную работу?

– Конечно. С чего?– с натянутым энтузиазмом ответила я, уже получив от него в «Электронный офис» неподъёмное за день количество задач.

– А давайте с чая?

Я немного растерялась, но Самоносов продолжил, и натянутый энтузиазм стал вымученным:

– Мой чай находится в отдельном шкафу на кухне. Я пью исключительно китайский зелёный из двух верхних листочков. Заваривать семидесятиградусной кипячёной водой. Чашку наполняете не выше одного пальца от ободка. Ну а печенье доверяю покупать вам. Вы же читать состав на упаковках умеете? Там не должно быть никаких «Е» и пальмового масла. Только мука, сахар и масло. И только без наполнителей.

«Проще уж застрелиться,– но спокойно кивала, признавая, что теперь я не администратор проекта, а простая «принеси-подай».– Что ж, окей. Если ты не станешь лишать меня бонусов, то я и подам, и принесу. Главное – не переходи черту разумного».

Понимая, что недовольство своим новым положением начинает расти, я вежливо уточнила, добавить ли в чай сахар, поднялась и направилась к двери.

– И себе заварите – почаёвничаем,– окликнул Виктор.– Заодно отметим повышение вашей зарплаты на двадцать процентов.

– Ого!– вырвался нервный смешок, но не от радости, а от мысли: что же я такого ещё должна буду делать?

– Отблагодарите хорошей работой,– будто издеваясь, ответил на восклицание тот и отвернулся к звонящему телефону.

* * *

На общем собрании после обеда Виктор официально объявил меня своим помощником и озвучил детали моего взаимодействия с коллективом по новому глобальному проекту. Послышались смешки, и ухмылки заиграли на лицах многих.

– И что, она теперь будет нами всеми командовать?– выдал Антон.

«Чем он слушал?»– вздохнула от глупого комментария.

– Не командовать, а администрировать процесс,– поправил Виктор.– Все просьбы и поручения от Кот – это трансляция моих указаний. Прошу следовать им.

– Я коту подчиняться не буду, у меня начальник – директор,– хмыкнул Гановский, делая акцент на прозвище.

«Хромой на всю голову!»– лишь отвела глаза я.

– Гена, у нас нет котов,– возразил Самоносов, а оглянувшись на меня, улыбнулся:– У нас только умные кошечки...

«Шедеврально!»

– С коготочками,– поддержала Хохолкова, совершенно не понимая, что оказывает мне медвежью услугу.

Парни из проектного отдела переглянулись между собой, негласно поддерживая утренний намёк на недвусмысленное внимание Виктора ко мне. Ещё немного, и сама начну сомне-

ваться в чисто профессиональном интересе нового руководства. Конечно, я не поморщилась и даже улыбнулась в ответ, но дать под дых захотелось всем троим. А ещё – курить.

На выходе из зала Хохолкова взяла меня под руку и шёпотом проговорила:

– Ты же понимаешь, что теперь тебя будут ненавидеть все, особенно жена Витька? Но если что, обращайся – прикрою!

Словно облитая помоями, я встала за дверь, чтобы выпустить всех из зала и спокойно вернуться в кабинет по пустому коридору. А глядя в спину Ксюши, где на свитере были вышиты Микки-Маусы, вспомнила сон, приснившийся прямо под утро, где я была в образе Харли Квинн⁴. Невольно достала воображаемый пулемёт – и Микки-Маусы разлетелись на окровавленные пайетки.

«Эх, жаль, что я не Харли Квинн, – вздохнула, с иронией понимая, что никогда в жизни и ножа в руки не взяла бы, чтобы кому-то пригрозить. Но с удовольствием смотрела фильмы, где супергероиня – положительная она или отрицательная – косила врагов подчистую. – Я всё же трусиха... Ну вот что сказать на такую гнусность? Даже матом не умею ругаться...»

Последним из зала вышел Филипп и ободряюще подмигнул:

– Ты чего такая расстроенная? Не обращай внимания на парней. Дурачье же... Они так развлекаются. Не больше...

– Было бы на что обращать, – равнодушно улыбнулась и сразу заговорщически прошептала: – Курить просто хочу, но, если шеф учует запах, не сносить мне головы.

– Хочешь, займу его минут на двадцать? Расскажу, что нового вычитал по веганству...

– Сможешь? – воспрянула духом я и выпрямилась.

– Давай через десять минут зайду: надо отправить почту, – по-доброму улыбнулся Филипп и поспешил к себе.

«Окей, пойдём отрабатывать твоё «повышение», мисс Квинн», – вздохнула я и направилась на голгофу.

⁴ Харли Квинн – сумасшедшая суперзлодейка, первоначально появившаяся в мультсериале «Бэтмен», затем в фильме «Отряд самоубийц».

Глава 6

Вечером после работы я буквально валилась с ног. Голова взрывалась от перегрузки новой технической информацией, которую была не в состоянии переварить за один день работы с главным архитектором. За глазами яблоками пекло, сфокусировать взгляд на чём-то было трудно даже в очках. Хорошо, что малыши были не такими энергичными после активных выходных, сыты и удовлетворены новым мультим на ночь.

Искупав Соню, я даже перенесла душ на утро – так хотелось спать, но проказница пролила в ванну розовый лак для ногтей – его нельзя было так оставить. Я отправила малышку в детскую, надела резиновые перчатки и села на коврик. Глаза слипались, но я честно собиралась с силами и уронила голову на бортик ванны лишь на минутку.

На полу стало холодно. Видно, от кафеля. Состояние было сродни грузчику, который отработал три смены подряд и то не выполнил план. Поняла, что если сейчас не заставлю себя подняться, то усну прямо в ванной. Кое-как подняла голову, в груди потяжелело, слегка качнуло в сторону. Я выпрямилась с резким вдохом, открыла глаза и тут же вскрикнула от неожиданности...

Пространство передо мной взорвалось тысячью красок разом, воздух наполнился незнакомыми ароматами, громкий звук какого-то оповещения и гул людских голосов взбудоражили... И кто-то настойчиво сжал локоть...

«Мамочки, что происходит?!» – запаниковала я, чувствуя, как сводит губы и дрожит подбородок.

Распахнув глаза ещё шире и сфокусировав взгляд, поняла, что сижу за небольшим круглым столом с тремя совершенно посторонними людьми, даже не русскими.

«Какого лешего?!»

По спине пробежал холодок. Я опустила голову и уткнулась взглядом в блестящую золотистую ткань, обтягивающую мои бёдра и колени, какое-то украшение спускалось с шеи продолговатым кулоном-трубочкой, а с висков свисали упругие локоны. Но что вызвало громкий «ик» и обескуражило, так это то, что на руках, в которых я держала винный бокал, были жёлтые резиновые перчатки.

Я настороженно убрала руки под стол и украдкой пробежала взглядом по лицам сидящих. Похоже, никто ничего странного и не заметил.

«Опять сон?.. Не могла же я оказаться в резиновых перчатках за столом... пить вино, – и покосилась на бокал, в котором явно не вишнёвый сок. – Ведь только что чистила ванну... Зараза, а как же лак?!»

Но мысль, что лак проест акрил, перестала что-либо значить, когда окинула пространство вокруг.

Это был огромный высоченный зал со снующими туда-сюда людьми. По всем видимым и слышимым признакам – аэропорт. Шикарный громадный аэропорт! Точно не российский – определила по тому, что ни одной надписи на русском, ни одного славянского лица, только иностранные граждане, причём самых разных национальностей. Даже те, что сидели за нашим столом: японка или китайка, явный немец и кто-то из Азии.

– Лиза, тебе плохо? – неожиданно прозвучал рядом знакомый голос, и кто-то снова сжал локоть тёплыми пальцами.

С широко открытыми глазами я повернула голову вправо и так резко отшатнулась, что за столом воцарилась тишина: все взгляды вопросительно замерли на мне.

Сбоку сидел тот самый Макс, из реальности и из недавнего сна, который вдруг вспомнился до мелочей. Внутренности обдало жаром, а во рту пересохло. Я передёрнулась, но глаз

от мужчины не отвела. Это был всё тот же Макс, каким я его и запомнила, только в белом смокинге с бабочкой золотого цвета – полная безвкусица.

– Лиза, что с тобой?– снова спросил он, и сейчас в его голосе слышалось беспокойство.

«Так... Я снова с ним... Снова Лиза... Я всё ещё его жена? А что делаем?.. Куда-то летим?– и медленно перевела взгляд на других сидящих за столом.– А это кто?»

– Я в резиновых перчатках сижу в аэропорту и пью вино,– нервно усмехнулась, чувствуя, что мышцы лица всё ещё дрожат.

Макс и его собеседники как-то напряжённо переглянулись.

– Лиз, с тобой точно всё нормально?– спросила женщина-азиатка.

Конечно, всё это снова мне чудилось, но общая заторможенность мешала сосредоточиться и включиться в происходящее как участнице, а не как сидящей статуе где-то за мутным стеклом. И всё, что сейчас двигалось быстрее, чем мои взгляд и мысли, – это кровь в венах: пульсация в ушах была громче, чем окружающий шум.

«Ну что ты молчишь? Сыграй уже что-нибудь!»– пинала себя я, но язык не поворачивался что-либо ответить. Снова посмотрев на Макса, прищурила слезящиеся от яркого света глаза и проронила:

– У-у... меня так... больно кольнуло в груди... Простите...

Для большей убедительности хотела коснуться груди, но, вспомнив, что руки в хозяйственных перчатках, вновь спрятала их под стол, аккуратно стянула инвентарь и бросила на пол.

Макс обнял меня за плечо, две женщины и мужчина сочувственно кивнули, огляделись и вернулись к разговору. Но на слух их речь звучала странно. Я уверенно понимала, о чём они говорят, и всё же что-то было не так. А когда раздалось новое оповещение о прибытии самолёта, вдруг осознала, что все вокруг говорят на английском. И Макс тоже. И я...

Прислушалась. Тон беседы был напряжённым. Говорили о каком-то перевороте и шансах выбраться из страны первым же рейсом в Россию. В мыслях эта информация мало укладывалась, вроде бы никаких революций в мире не происходило, и я стала украдкой озираться. И неожиданно поняла, что люди вокруг не просто снуют туда-сюда, они тревожно собираются в группы, перемещаются с одного места на другое, расходятся в поисках чего-то или бегут, будто опаздывают на рейс... Только в свете разговоров за столом казалось, что люди не просто опаздывают, они отчаянно спешат спастись... Атмосфера вокруг какая-то накалённая. Никто не смеялся, не читал книжек, не ел и не пил расслабленно. Дети жались к матерям в чёрных хиджабах...

Увидев детей, почувствовала, как тянет низ живота. Какое-то беспокойство надолго задержало взгляд на них, но так и не смогла уловить ускользающие ощущения. Кожу стало покалывать, как иголочками. В этом сне было крайне неудобно: слишком много чужих, много испуганных лиц, навязчивая тревога, цепкий и беспокойный взгляд Макса... Даже если это сон, хотя что-то неуловимое вызвало сомнение в этом, всё равно было не по себе. Я не знала, как себя вести и чем всё это может закончиться. Ничего лучше, как выйти в уединённое место и осмыслить происходящее, не нашла.

– Простите, мне нужно выйти!– проговорила нерешительно, улыбаясь единственному, кого знала, и поднялась. Но голова закружилась, и пришлось крепко ухватиться за плечо Макса, чтобы не упасть.

Тот поднялся вместе со мной и, напряжённо сведя брови, взял за локоть.

– Тебе плохо? Ты только что выходила...

– Ну да, такое случается от волнения... В туалет хочу,– прошептала ему в лицо, поднявшись на носочки.

– В любую секунду может начаться посадка,– тоном ниже проговорил он.

– Ты хочешь, чтобы я описалась?– возмущённо нахмурилась и уже недовольно проворчала:– В конце концов, это мой сон!

– Твой – что?– сморщил лоб Макс и окинул меня таким взглядом, будто окончательно признал, что я полоумная.

Я аккуратно отняла руку и торопливо вышла из зоны кафе.

Увидев указатель WC, поспешила за угол коридора. Распахнув дверь женского туалета, испуганно отпрыгнула назад: прямо на полу на ковриках сидели несколько мужчин и молились.

– Sorry,– кивнула я и закрыла дверь. Уставившись в стену напротив, недоумённо нахмурилась:– У нас что, апокалипсис?

Рядом оказалась комната матери и ребёнка. Я ветром влетела в неё, а обнаружив, что здесь никого, сразу заперла дверь на щеколду и уже облегчённо сползла спиной по стене.

– Вот занесло! После такого рабочего дня даже поспать спокойно не могу.

Я умыла лицо ладонями и поднялась. Нужно было успокоиться и понять, что со мной происходит. Почему чувствую непрерывную тревогу, и всё снова так детально. Как это не похоже на сон, но и реальностью быть не могло.

Подойдя к зеркалу, с опаской взглянула на себя. Но это была всё та же я, только без очков, с высокой причёской, размалёванная, как кукла, и в дорожной одежде. На мне надето красивое короткое платье с глубоким декольте, на ногах – босоножки со стразами.

– Ну что ж, по ходу, я звезда! Немного толстая, без меры и стиля, но звезда...– закатила глаза своему отражению.– Шедеврально!

Размяв спину от напряжения, прошлась по периметру комнаты, рассматривая надписи и каждый угол. Из динамиков в потолке лилась спокойная арабская музыка. Трудно сказать, где я находилась, но по всем признакам можно предположить, что где-то на Востоке. На пеленальном столике кто-то забыл косметичку. Я заглянула и заметила флакон с масляными духами. Не смогла преодолеть соблазн понюхать их. Аромат был такой невероятный, что даже выдавила капельку на палец и мазнула за ушами.

Подперев стену напротив зеркала, снова окинула себя с головы до ног и усмехнулась, а потом вдруг замерла: на правом бедре красовался большой синяк. «Ну вот, Гановский со своими дебильными шутками!– и коснулась бордово-синего пятна пальцами.– Это он ещё не пожелтел...»

Одёргивая подол, сквозь музыку услышала грохот, а потом и нетерпеливый стук в дверь.

– Лиза, ты здесь?!

На секунду замерла, а потом прислонила ухо к двери. Но резкий стук по металлической обшивке заставил отпрянуть.

– Что такое, Макс?– открыла дверь, узнав мужчину.

Тот, едва завидев меня, быстро схватил за руку и дёрнул на себя.

– Нам надо бежать! Иначе не выберемся...

– Какого?..– успела выкрикнуть я, едва успевая перебирать ногами на высоченных шпильках, и заткнулась, чуть не подавившись воздухом.

Никогда не бегала на каблуках да ещё в узком коротком платье. Но Макс был не на шутку встревожен, и его настроение передалось мне. Мы выбежали в зал и устремились к другому концу аэропорта.

В щиколотках начали гореть связки. Я чувствовала, что ещё немного, и просто подверну ногу или сразу обе, тогда уж точно никуда не смогу даже просто идти. Впереди маячил единственный выход на посадку, а перед ним стояла вооружённая охрана, отпихивая всех, кто стремился перейти за ограждение. На перепонки давил невыносимый шум из криков и какого-то необъяснимого гула.

Я не понимала: если всё это сон, то зачем нужно так убиваться, ведь мне было больно бежать, а если не сон, то не знала, что нас может спасти, поэтому резко остановилась и выдернула руку из захвата Макса.

От скорости он не сразу остановился, но затормозил, скользя подошвой туфли по полу, оглянулся и испуганно крикнул:

– Лиза, быстрее!

Тяжело дыша, я прибилась к пальме в огромном горшке, согнулась пополам, а переведя дыхание, покосилась на него исподлобья и крикнула в ответ:

– Мы всё ещё женаты?

Макс округлил глаза:

– Ты с ума сошла? Мы будем выяснять это сейчас?!

– Макс, я не понимаю, что происходит... Ты можешь сказать, где мы находимся, потому что, кажется, я схожу с ума!..

– Ты точно сошла с ума, если не видишь, что нам нужно срочно улетать!– гаркнул он, подбегая и снова хватая за руку.

Мы снова побежали... Нас охрана пропустила, и мы почти приблизились к выходу на посадку, где другая часть пассажиров уже садилась в автобус.

Но неожиданно с немыслимым гулом стены аэропорта задрожали, прямо под ногами треснула плита, и в полу быстро начала расползаться трещина. Макс чуть не нырнул носом, но успел перепрыгнуть её. Я же попятилась и уткнулась в стойку ограждения.

Щель стала увеличиваться с невероятной скоростью, разделяя зал на две половины. Я замерла от удушающего жара и запаха серы, пахнувших из этой глубокой чёрной дыры, словно там – внутри – был ад. Крики, звон стекла, грохот падающих торговых стендов, кажется, дрожал сам воздух, как и всё внутри меня.

Я зажмурилась, обняла себя за плечи и замотала головой: «Нет-нет, такого быть не может! Я сейчас проснусь...»

Не раз видела сны, которые до ужаса убеждали в реальности происходящих событий, но сейчас убедить себя в чём-либо не получалось. Я не могла дать чёткое объяснение видимому: мысли были ясные, но глаза не узнавали реальность, внутри всё переворачивалось, и от этого логическая картинка не складывалась.

Впереди была огнедышащая пропасть, а за спиной в истерии бушевала толпа иностранцев, которая вот-вот прорвёт заслон и снесёт меня с ног.

– Я не улечу без тебя, Лиза! Это последний самолёт! Ты должна успеть!– прорвался голос Макса сквозь шум. Он кричал изо всех сил, подпрыгивая и разводя руками толпу, несущую его к выходу.

И я должна была выбрать, с кем остаться, – с толпой, которая вот-вот раздавит, или с Максом.

– Ты любишь меня?– растерянно крикнула я.

– Дурочка, конечно, я люблю тебя! Прыгай... скорее!..

«Если это сон, то выживу...»– дрожащей рукой я ухватила за кулон на груди, на секунду зажмурилась, ощутив, как печёт пальцы, будто тот раскалился, и отчаянно рванулась вперёд, надеясь перепрыгнуть широкий разрыв в полу...

Но ошиблась... Я была слишком тяжёлой и слабой, чтобы перепрыгнуть расщелину. И разогнаться мне не дала толпа, хлынувшая вперёд. С грудным криком я рухнула вниз, не сумев допрыгнуть до другой стороны и, ломая ногти, ранив руки об острые прутья железобетонного фундамента в попытке хоть за что-то зацепиться, полетела в пекло...

Удар обо что-то твёрдое и горячее выбил воздух из лёгких. Судороги сковали горло и не дали вдохнуть. Испуская последний шипящий выдох, я поймала единственную мысль, врезавшуюся в угасающее сознание: «Я умираю... А как же Илья и Соня?!»

* * *

Полная темнота. Всё замерло лишь на секунду, а потом что-то заставило распахнуть глаза. Я судорожно дёрнулась и стала ощупывать себя и пространство вокруг. И поняла, что лежу на чём-то мягком, тёплом, на мне не платье – я в майке и фланелевых штанах.

Моргнув, задержала дыхание, чтобы успокоить пульс, и сфокусировалась на точке перед собой. Сквозь темноту начали проступать очертания знакомой комнаты. Я поднялась на локтях. Машинально вытянула руку вверх и нащупала кнопку бра над изголовьем. Тёплый свет озарил комнату...

Спальня... Моя... Я лежала в своей постели. Сняв одеяло пальцами, впервые за эту минуту вдохнула и с резким выдохом уронила плечи. А потом вскинула руки и раскрыла ладони, повертев ими, не увидела ни царапин, ни сломанных ногтей. Чувствовалась тяжесть в теле, взмокла, но никаких очевидных повреждений.

– Приснится же такое... – выдавила из пересохших губ и медленно спустила ноги с кровати.

Но что-то кольнуло внутри, я испуганно подпрыгнула, поднялась и босая пробежала в комнату двойняшек. Не осторожничая, распахнув дверь, остановилась на пороге и облегчённо выдохнула.

Всё было, как обычно: Соня спала раскрытая, свесив одну ногу почти до пола, а Илья, свернувшись калачиком в обнимку с плюшевым человеком-пауком, мирно посапывал лицом к стене. Я укрыла обоих и на цыпочках прошла к окну. Отведя плотную гардину, в свете придорожных фонарей разглядела, что двор снова застелило снегом. Ощупав себя, немного постояла над кроватками малышей и вернулась в свою комнату.

«Снова надо расчищать дорожки... – кутаясь в одеяло, вздохнула я, и, уже засыпая, где-то на грани сна и реальности подумала:– Улетел ли Макс?..»

Глава 7

Утром, когда позвонили в дверь, поняла, что проспала. Будильник не сработал. Еле продрала глаза, впустила тётку Ларису, быстро умылась, но принимать душ уже было некогда. Чистя зубы, вспомнила жуткий сон и взглянула на корзину с чистящими средствами. Жёлтые перчатки аккуратно свисали через край. Перевела взгляд на бортик ванны и не заметила розового лака. Наверное, всё-таки успела удалить вчера, хотя совсем не помню, как делала это. Неудивительно, ведь всю ночь бегала по аэропорту. Обрывки сна вызвали смешок. Особенно последний мой вопрос: «Ты меня любишь?»

– Вот нашла же, что спросить в такой момент! – рассмеялась, торопливо собирая волосы в хвост. – А что я ещё могла спросить? Белый смокинг, золотое платье, резиновые перчатки – вот муть! Там, наверное, на заднем фоне и верблюды рысью пробегали?!

* * *

Как назло, почти весь офисный планктон собрался на кухне: время официально разрешённого перерыва. Парни болтали за кофе у подоконника, а за столом зажигала Хохолкова, заигрывая с Брянским и Гановским. Мне же, не успевшей позавтракать, ни кофеёчка, ни сигаретки... Всё не по плану: теперь я подневольная – начальство пожелало чаю испить. А при коллегах есть не люблю: то в рот заглядывают, то говорят про трупных червей, что подавишься. Переждать бы, пока все разойдутся, но было некогда. Задачи от Самоносова сыпались в «Электронный офис» с самого утра, когда я ещё в троллейбусе на работу досыпала. Хорошо, что успела к девяти, – укора не заслужила.

Молча пройдя к шкафчику, где стояли продукты и посуда руководства, я взяла поднос и аккуратно выставила на него всё, что нужно для чаепития. Мельком глянув на угол стола, заметила жёлтые резиновые перчатки. Даже поплыла от дежавю. Перед глазами разрозненными кадрами замелькал сегодняшний сон, и узнаваемое неудобное чувство зашевелилось в груди.

В снах всегда есть нечто нелепое, то, что в реальности не сделаешь и не увидишь, но осознаешь это, только когда просыпаешься. Я же до конца не могла понять, что чувствую на самом деле. Вроде бы всё, как обычно, но внутри билось какое-то неопределённое беспокойство. Может, это нестабильное настроение, как после дурных снов?

Когда одевалась утром, невольно отметила лишь покрасневшее пятно на бедре, хотя вчера к кухонному косяку приложилась не хило. Во сне же синяк был ярко-фиолетовым и больше соответствовал силе удара. Всё остальное было полным абсурдом. Но если половина событий сна уже стёрлась, то конец помнился отчётливо: когда падала в расщелину и пыталась ухватиться хоть за что-нибудь, под ногти вонзались осколки бетона – это была дикая боль...

Отведя взгляд от перчаток, я стала пристально рассматривать свои ногти... И в этот момент над ухом пробасили:

– М-м, как вкусно пахнешь... Новые духи?

За спиной стоял Гановский. Я покосилась на него через плечо и нахмурилась: «Духи? Нет у меня новых...» – и вдруг на секунду в памяти всплыла комната в аэропорту, косметичка, духи... Я невольно потянулась к ямке за ухом и дотронулась до неё пальцем.

– Да нет... Не может быть... – выдохнула, даже зажмурилась. Я не выспалась, вот и мерещится всякое.

– Я же вчера на твой пиджак бабушкиными духами брызнула, – громко вспомнила Ксюша.

– То-то нафталином несёт, – мерзко пошутил Яша.

– Сам ты – нафталин! – ультразвуком возмутилась та и снова обратилась ко мне: – Ты, что ли, не дома ночевала: не переоделась даже?

Оба бесцеремонных замечания пропустила мимо ушей. Действительно, вчера Хохолкова демонстрировала подарок бабушке на юбилей и распыскала по офису полфлакона, а я не

сменила пиджак: в отличие от Ксюши у меня в шкафу не Нарния⁵. Однако сама не чувствовала ароматов ни хохолковских духов, ни восточных и выдохнула с облегчением, иначе поверила бы, что схожу с ума.

– Нафталин – мой любимый освежитель воздуха, – натянуто улыбнулась, начав раскладывать печенье на блюде. – Ксюш, щёлкни чайник...

– Что, кофе в постель? – хохотнул Гановский, кивая на поднос.

Разговоры затихли, и всё внимание переключилось на нас.

– В нашем кабинете кофе не пьют, – ответила сухо и посмотрела в глаза хама: теплилась ли там хоть капля совести?

– Так я и не про кабинет, – пошло подмигнув, продолжил тот.

– Не завидуй, – усмехнулся Антон.

– У Генки скоро свадьба, сейчас только завидовать и можно, – засмеялся Рома.

– Было бы чему завидовать! – возмутился Гена.

– А я и не про это: теперь у Кота несгораемые бонусы будут, – поддел заводила.

– Как здорово, что вы сами себя веселите, – повернулась я.

– Ой, а воды нет, – развела руками у кулера Хохолкова. – Нет у нас мужиков, некому даже воды принести!

Несколько парней мигом сделались занятыми и, схватив свои кружки с кофе, строем вышли из кухни, а за ними и Тарас с Антоном.

– Вот, пожалуйста, начали тикать, – проворчала Ксюша и деловито уткнулась в свой телефон.

– А я в домике, – сложил над головой ладони Яша, сидя за кем-то в углу.

– Конечно, нет мужиков. Ты бы ещё громче орала, – возмутился Брянский. – Тут ласковый язык нужен...

– Ага, ласковый язык, – сально разулыбался Гановский, и не думая двигаться с места.

– Ром, кажется, у нас на кухне ты сейчас самый сильный мужчина. Принесёшь водички? – шурясь от пошлостей, попросила я.

– Конечно! – выпятил грудь вперёд тот и, с видом, будто на него возложена серьёзная миссия, вышел в кладовку.

– Какой умничка! – похвалила, когда Брянский внёс бутылку воды, распечатал и установил её на кулер.

– Вот! – довольно сел он на прежнее место и надвинулся на Хохолкову. – А ты говоришь, мужиков нет!

– Да какой ты мужчина, ты – Хохотун! – Ксюша со смехом оттолкнула его руки от себя.

А тот и правда так заливисто смеялся, что и у меня вызывал желание улыбаться. Неплохой парень, да и шутки у него чаще безобидные. Просто иногда заносит под настроение толпы. Я наполнила чайник и поставила закипать. Но тут Ксюша чуть не сбила с ног.

– Блин, Клёп звонит, – и, схватив трубку стационарного телефона, выбежала из кухни.

– ЗвонИт, Ксюха, а не звОнит? – крикнул вслед Гена, вечно жаждущий всех научить.

– А какая разница? – оглянулся Брянский. – Понял ты её, и ладно. У нас в селе все так говорят и все друг друга понимают.

– Сейчас он скажет, что у них курага на деревьях растёт, – хмыкнул Яша.

– Ну да... в итоге же растёт...

– Культурным быть надо, ты ж не в деревне, – с насмешкой заметил «высокообразованный» Гановский.

– Твоей культуры на всех нас хватит, – отмахнулся Рома.

– Да стыдно за всех вас, – демонстративно громко произнёс тот.

⁵ Хроники Нарнии – фильм по сказкам К.С. Льюиса, где из шкафа открывался выход в волшебный мир.

Наконец, чайник закипел, и я залила заварку, не дожидаясь, пока вода остынет до нужного градуса: терпения не хватит слушать глупости. Взяв поднос, попыталась аккуратно выйти из кухни, но в проёме двери неожиданно появилась Инна Карловна.

– Кому тут и за что стыдно?

– Инна Карловна, а вы знаете, как правильно: звонит или звонит? – тут же пристал к ней Гановский.

– Ты, как обычно, умничаешь? – усмехнулась та, проходя в кухню.

– Культуре учу, – уязвлённо возразил Гена, но из уважения к единственной женщине в коллективе, которой было за пятьдесят, пререкаться не стал.

– И кто победил?

– Победила ненависть, – гробовым голосом произнёс Черных и прошёл мимо меня в коридор, не удосужившись уступить дорогу.

– Хватит упражняться в красноречии, – строго упрекнула Инна Карловна и обратилась ко всем: – У нас грядёт проверка трудовой инспекцией. Нужно срочно пройти медосмотр. Информацию вывесила на доске. Завтра всем как штык к восьми быть в поликлинике.

Навстречу шёл Степан Малечко. Он с улыбкой придержал дверь и выпустил меня.

По пути к кабинету остановилась у информационной доски, а прочитав перечень требований к прохождению медосмотра, жалобно вздохнула. С детства не люблю врачей. Будут заглядывать всюду, щупать, тыкать иголками в палец. Бр-р! Но избежать не получится, придётся собраться с духом и перетерпеть.

* * *

День был полон «сказочных чудес»: я не разбиралась с документацией по новому проекту, не участвовала в его обсуждении, не вела работу с коллективом, но не раз бегала за чаем, приносила распечатки из принтера, вела протоколы совещаний и искала машинку с розовым кузовом на день рождения сына Самоносова. С последним справиться никак не удавалось: то размер не тот, то розовый недостаточно розовый, то не было в наличии, чтобы приехать и пощупать вживую. Не хватало ещё мешков с чечевицей и горохом...

От разочарования вторым днём работы с Самоновым всю дорогу домой я разглядывала лица мужчин в троллейбусе: может, увижу Макса. Хотя такие мужчины не ездят в общественном транспорте. И за окном на дороге не встретила похожий автомобиль.

«Забавно было бы его увидеть после таких странных снов. Поговорить, узнать... На самом ли деле он такой раздражительный?..»

Троллейбус неожиданно резко затормозил. Толпа качнулась, кто-то больно наступил на ногу. Зашипев, я выглянула из-за плеча парня и поняла, что это моя остановка.

– Линия повреждена, дальше не едем, – прогундосил женский голос в микрофон. – Выходим!

– Грёбанный Экибастуз! – прохрипел какой-то не протрезвевший «интеллигент».

Не успела повернуться к дверям, как толпа подхватила меня и двинулась на выход. Я лишь растерянно перебирала сапогами по чьим-то ногам. Сгруппировавшись, выпуталась и буквально у ступеней развернулась лицом к выходу. Под тяжестью чьего-то плеча меня выпихнуло прямо в свежую горку снега.

Капюшон упал вперёд, и я не полностью утонула лицом в рыхлой насыпи. Растопырив пальцы, приподнялась, села на икры и, сердито жмурясь, стала возмущённо отплёвываться и обтирать лицо.

– Куда так нестись, как будто конец света?! – проворчала с досадой.

По коже пробежал мороз, в пальцах закололо от холода. Передёрнувшись, я сунула руки в карманы пальто за варежками и подняла голову. Глаза щипало: на линзы попал снег, теперь домой придётся идти почти на ощупь. Я поморгала, а когда приоткрыла веки – замерла на вдохе...

Прямо на меня смотрел Макс!

Глава 8

Прямо на меня смотрел Макс! Мы сидели за столом...

Я непроизвольно округлила глаза, так широко, почти до боли, а раскрыв рот, услышала свой нечленораздельный хрип. И в ту же секунду почувствовала, как что-то острое застряло в горле. На глаза навернулись слезы, а во рту загло, как от перца чили. Я испуганно сморщилась и громко закашлялась.

Макс взволнованно выпрямился и даже привстал.

– Подавилась? Воды?

Я попыталась взмахнуть рукой, чтобы отказаться от его помощи, но испугалась ещё больше, когда что-то сильно укололо ладонь. Оторопело взглянув на руку, увидела в ней переломившиеся пополам палочки для суши.

В полной растерянности перевела взгляд на стол и обнаружила перед собой продолговатую тарелку с роллами и суши, сквозь стеклянную столешницу – чёрный пол и зелёный шёлковый подол в цветочек. Снова поморгав, не поднимая головы, с нервным любопытством покосилась в одну сторону, затем в другую...

Я находилась в большом ярком зале, наполненном людьми, приятными запахами и звуками флейты и струнных.

– В последнее время у тебя странные реакции на мои предложения, – невозмутимо заметил Макс и положил в рот комок риса, обмотанный лентой красной рыбы.

«Я в ресторане... Ем суши... И на мне платье в цветах сакуры...» – чётко проговорила про себя, беззвучно шевеля языком и стараясь уловить любое ощущение, которое объяснит происходящее.

На красно-золотой стене за спиной Макса висели огромные тонкие стрелки без циферблата. И судя по ним, здесь ранний вечер, хотя только что было около семи. И если мне это снится, то не запомнила, как ложилась спать. Для этого как минимум нужно было попасть домой. Но прямо из снежной кучи я оказалась здесь...

«Опять заскок?» – тяжело выдохнула я, ловя знакомое неуютное ощущение внутри.

Макс задумчиво смотрел на меня и, подперев голову ладонью, медленно поглаживал кончик носа указательным пальцем.

Чувствуя, как начинают пылать щёки, я аккуратно сложила сломанные палочки на край тарелки и смятенно проговорила:

– Ты не знаешь, что происходит?

– Кроме того, что ты ведёшь себя странно, – ничего, – терпеливо ответил тот и с пристальным взглядом откинулся на спинку стула.

– Не смотри на меня так...

– Как?

Я суетливо взяла салфетку и, обмахивая лицо, поднялась.

– Я выйду на минутку...

– Лиза...

– Опять Лиза? – оглянулась с удивлением.

– С тобой всё нормально? – недовольно прищурился Макс.

– Я сейчас... – смахивая с обнажённых рук колючие мурашки, бросила я и, найдя глазами выход в какой-то коридор, поспешила к нему.

Но шаги казались такими неловкими, тяжёлыми, что колени едва не подгибались: тело не слушалось. Когда, наконец, оказалась в пустом холле ресторана, остановилась и прислонилась к стене. Было время привести мысли в порядок и успокоить внутреннюю дрожь: к таким реалистичным перемещениям невозможно привыкнуть.

«Сон или не сон?»

Я посмотрела под ноги и пошаркала носком туфли по деревянному полу. И ощутила вполне реальное чувство трения подошвы по дереву. Коснувшись подушечкой пальца декоративной штукатурки на стене, надавила и провела вверх – ощутила то же, что и в реальности: сначала чуть щекотно, потом – раздражающе больно. Сомнений не осталось: куда бы ни посмотрела, увижу то, что должна увидеть. И видела я снова отлично без линз и без очков. Даже ошупала веки.

Успокоив дыхание, украдкой выглянула из-за угла. Макс продолжал спокойно есть. Я несколько минут разглядывала его, силясь понять, почему вновь и вновь меня приводит к нему. Помнит ли он, что случилось в прошлые разы? Продолжение ли это или просто новый сон с ним? Однако же с ним я всегда Лиза...

Всё вокруг совершенно естественно: музыка, разговоры, посетители ресторана – обычные люди, правда, все иностранцы. Ничего подозрительного...

Ничего подозрительного для реальности! Но мне – любителю фантастики – приходила лишь одна мысль: это похоже на перемещение в параллельные миры, в которые, впрочем, не верила. Сознание вынули из одного тела и переместили в другое, существующее где-то в мультипространстве. Поэтому я – Ева – не понимаю, почему Макс ведёт себя так.

Всё это невероятно, и всё же была уверена, что здесь ни у кого не вырастут уши, не появятся клыки. Неподконтрольны мне лишь сами перемещения и обстоятельства, в которых оказываюсь. Они могут неожиданно измениться и напугать так напугать: то авария, то зловещий аэропорт – прямо как у Кинга в «Лангольерах».

Кажется, я простояла за углом слишком долго. Но не могла же всё время прятаться, а просыпающееся любопытство толкало рискнуть и узнать, что будет дальше.

Вытянувшись перед зеркалом, я оправила длинное платье-кимоно с нескромными разрезами, которое неплохо скрывало лишние килограммы, дёрнула себя за кончик хвоста, закрученного в тугий локон, и вернулась за стол к Максy.

«Надо как-то выяснить, что между нами такое... Как же звали тех, к кому мы собирались на день рождения? Или юбилей?» – задумалась я, поглаживая уже новые палочки у тарелки.

– Скажи, я не оставляла сумочки у Раевских? – спросила непринуждённо.

– У кого? – недоумённо спросил Макс.

– Разве мы не собирались к ним на юбилей?

Тот вопросительно вскинул брови.

– Понятия не имею, о ком ты говоришь...

«У меня хорошая память! Мы просто к ним не доехали...»

– А мы куда-то летали недавно? – мельком бросила взгляд на Макса.

Он приподнялся и заглянул в мою тарелку.

– У тебя там грибы галлюциногенные, что ли?

«Вот же зараза! Что он за человек такой?» – прищурилась я и посмотрела на правую руку: на безымянном пальце красовалось шикарное обручальное кольцо. – Ух ты, а раньше его не было! Значит, мы всё ещё муж и жена... Но что у нас за отношения? Странная жизнь... Вроде вместе, даже в ресторан пошли... Могли бы быть счастливы, но нет ни любви, ни тепла, ни элементарного уважения... Что ему надо?!»

Я озадаченно взяла палочки и решила поесть, чтобы забить горьковатый привкус во рту. Но вертела, вертела их, а так и не смогла взять правильно, такое ощущение, что ни разу в руках не держала. Оглянулась на посетителей, соединила палочки вместе и постаралась наколоть на них нечто тёмно-зелёного цвета. А когда получилось, обрадовалась, как ребёнок. Довольно улыбаясь и неуклюже поднося наколотый кусочек ко рту, мельком взглянула в сторону Макса: тот удивлённо смотрел на мои фокусы.

«Что ты на меня уставился?! Великое удивление: не умею пользоваться палочками... Хотя ещё недавно умела?!»

Но, так и не облизнув ароматный кусочек, уронила его мимо тарелки.

– Фу, кошмар какой-то!– раздражённо выдохнула и бросила тщетные попытки.– Вилки здесь не подают?

– Ещё вина?– неожиданно появился официант.

– Нет, благодарю,– отмахнулся Макс.

– Мне... мне ещё,– торопливо перебила я и подняла бокал. Хоть запью неприятный привкус. Как подействует алкоголь здесь?

Официант вежливо улыбнулся и налил вина. Я приникла к бокалу и жадно осушила его, как будто умирала от жажды.

Ощущения были странными. Алкоголь должен обжигать если не горло, то желудок. Но ничего подобного не произошло.

– Как всегда, решила напиться?– хмурясь, заметил Макс, жестом отсылая официанта восвояси.

Я облизала губы от кислого напитка и недовольно поинтересовалась:

– Что я не так делаю? Ты всю дорогу на меня ворчишь!

Макс убрал салфетку с колен на стол и сухо ответил:

– Пожалуйста, прекрати этот цирк!

Я прищурилась и сердито усмехнулась:

– Послушай, я что, всегда тебя раздражаю? Зачем ты тогда женился на мне?

– Любовь зла,– с усмешкой ответил тот.

«Не слишком обнадёживающая ирония. Он мне сразу понравился, я его жена, но бешу своего мужа. Хм, бедная Лиза!»

– Ты прекрасно знаешь, зачем мы вместе,– проговорил он.– Перестань вести себя, как ребёнок!

«В том-то и дело, что я этого не знаю!»– хотела возразить я, и уже раскрыла рот, но неожиданно чья-то крепкая рука легла мне на плечо. Я возмущённо оглянулась и увидела коротко стриженную черноволосую женщину в майке цвета хаки, кожаных брюках и высоких грубых ботинках. Она смотрела на меня таким проницательным взглядом, от которого ледяные мурашки побежали от поясицы до макушки. Я непроизвольно дёрнула плечом и отстранилась.

– Вот ты и попался, Макс,– проговорила она грубым властным голосом и снова перевела взгляд на меня.– Что, привёл свою жену в качестве оплаты?

В изумлении я округлила глаза на Макса. Тот почему-то виновато опустил голову и положил ладони на край стола.

– Девчонка ещё, но ему понравится,– ухмыльнулась та и бесцеремонно схватила меня за подбородок.

– Вы тут что, с ума посходили?!– вскинулась я и так резко поднялась, что уронила стул на ногу женщине.

Но та легко зацепила спинку носком ботинка и отшвырнула стул так далеко, что я раскрыла рот. Надо обладать недюжинной силой, чтобы проделать такое.

Макс тут же испуганно поднялся и вытянул руки вперёд:

– Лиза, не сопротивляйся...

– Что?!– возмутилась я, но не успела продолжить, как над ухом раздался оглушительный хлопок.

– Он нам больше не нужен,– отчеканила женщина и схватила меня за локоть.

Я не сразу сообразила, что произошло, только видела, как на груди Макса расплзается красное пятно, а сам он падает на пол. Я рванулась к нему и упала на колени рядом с его головой.

– Попрощайся, – хмыкнула за спиной женщина.

Макс порывисто дышал, пугающий булькающий звук раздавался при каждом его вздохе, но из последних сил он потянулся ко мне, крепко сжал запястье и едва слышно прохрипел:

– Беги со всех ног...

– Куда?! – шокировано прошептала я, из глаз брызнули слёзы, а в груди всё стянуло от страха и недоумения. Я не понимала, что происходит и что должна делать.

Макс притянул к себе, судорожно вынул из внутреннего кармана пиджака маленький чёрный конверт, сунул мне в руки и посмотрел с такой тоской и... любовью... Я содрогнулась от его ледяных пальцев и осознания, что он умирает, но прижала конверт к животу.

– Лиза, береги его! Это наша жизнь! Я люблю... те... бя... – на последнем выдохе произнёс он, и его голова безвольно откинулась, глаза закатились, а из уголка губ тонкой струйкой потекла кровь.

Я судорожно вдохнула и мазнула пальцами по векам: слёзы катились градом и застилали глаза. Моргнув, подняла голову. Ясно виделся только выход в холл, всё остальное – как размытая акварель. Но слух уловил чёткие тяжёлые шаги за спиной. А потом и этот голос надо мной, будто лёд высыпали за шиворот:

– Ножками пойдёшь или выволочешь за волосы?

Сама не понимая, что делаю, сунула конверт за пазуху и, держась за ножку стула, на котором сидел Макс, приподнялась с колен. Замерла только на секунду, а потом всё, как в тумане... Будто и не я вовсе... ухватила за обе ножки, рванула стул с места и с размаху впечатала его в убийцу.

Женщина с руганью повалилась на пол, а я со всех ног бросилась в холл. Красные стены, чёрный пол и только две двери. И ни одна не похожа на выход. Но искать другой – не было времени. Я ударила в одну – заперта. Пробежала до второй и, дёрнув за ручку, ввалилась внутрь комнаты. Это оказался туалет с несколькими кабинками.

Заперев дверь на щеколду, чувствуя, как горят лёгкие, я забила в угол и села. В животе началась революция: колики, тошнота, не хватало кислорода... Я бегло осмотрелась и обняла себя за локти: тело било крупной дрожью.

На стене прямо находилось небольшое горизонтальное окно. Если постараться – протиснусь. Я живо поднялась и подбежала к нему. Ухватившись за края подоконника, подпрыгнула и с досадой поняла, что ресторан примерно на третьем этаже. Раздумывать было некогда. Я скинула туфли, подвинула металлическую урну к стене, подняла платье на бёдрах и забралась на узкий подоконник.

Открыв фрамугу наружу, я высунула голову на улицу и тут же получила удар ледяного ветра в лицо. И это вдруг отрезвило.

«Что я делаю? Я не знаю, где нахожусь... Куда я побегу босиком по морозу? Да и вообще, всё это – чушь какая-то!»

Сон сном, но боль чувствовала, как и наяву, поэтому мне нужна была веская причина, чтобы спрыгнуть с третьего этажа. Покосившись на закрытую дверь, осмыслила и другое: а ведь никто не кричал. Люди даже не двинулись с места, будто ничего и не происходило!

– Да какого ж?.. – вспыхнула я и отклонилась от окна.

Под платьем закололо. Скрючившись, я вынула конверт из-за пазухи, зубами разорвала его и заглянула внутрь.

– Офигеть! Чуть не свернула себе шею из-за этого?!

В конверте лежала маленькая цветная трубочка – калейдоскоп.

– Издевательство какое-то...

Я спрыгнула с урны, дёрнула платье за подол, и в тот самый момент, когда дверь туалета грубо распахнули, выронила конверт, и калейдоскоп выкатился.

– А вот и она!– ухмыльнулась та, что выстрелила в Макса, а за её спиной стояли двое худосочных мужчин с абсолютно бесстрастными лицами и в похожей одежде.– Всё-таки придётся волоочь...

Мужчины зловеще прищурились и вошли внутрь. От их устрашающего вида в коленях дрогнуло. Не отводя глаз от женщины, я стала опускаться к полу, чтобы поднять калейдоскоп. Но та вскинула руку с пистолетом и звонко поцокала языком, запрещая прикасаться к тому. Я замедлила и задержала дыхание.

– Мы это заберём,– шагнула вперёд она и махнула пистолетом, чтобы я отошла назад.

В голове гонгом прозвенели слова Макса: «Береги его! Это наша жизнь!» Что бы они ни значили тогда, сейчас нутро кричало не упустить безделушку. Невольно я сделала шаг назад, но лишь как обманный манёвр, и, резко присев, буквально упала вперёд, вытянула руку и схватила калейдоскоп.

В тот же миг раздался оглушающий выстрел. Плечо обожгло так, что глаза чуть не вылезли из орбит, а ко мне бросились те самые мужчины...

Но секунда – и всё перед глазами заискрило, картинка разбилась на множество осколков, перестроилась... помутнела... посветлела... и...

Я дёрнулась, будто провалилась куда-то, а вокруг пустота и темнота... Что-то сползло по спине, я резко вскрикнула, вскочила на ноги... оглянулась, расставив руки, готовясь к драке...

Но поняла, что стою в своей спальне. На полу лежало моё одеяло, за плотными шторами светлело. А телефон играл пробуждающей трелью.

– Зараза!..– прошипела от злости и боли где-то в плече.

Нащупала болевую точку и поморщилась. Включила свет, надела очки и, оттянув футболку, посмотрела в зеркало. Кожа была красная и будто продавлена чем-то острым... Как пулей... Но крови-то не было! Как и отверстия... Оглянулась в недоумении и заметила, что тумбочка у кровати сдвинута, похоже, падая, я ударилась об угол.

– Нелепость какая-то!– сиплю пробурчала под нос и заткнула будильник.

Глава 9

Уже собранная на работу некоторое время в рассеянной задумчивости сидела у кровати Сони с чашкой кофе. Аппетита не было: наелась и суши, и вина, и пуль напоследок. А в голове засела картинка смерти какого-то мужчины из сна. Ни лица, ни имени не помнила, хотя точно видела раньше, но от воспоминания его последних слов о любви и взгляда кожа на руках стала гусиной.

– Н-да, похлеще любого триллера...

Плохой сон долго может играть на настроении, поэтому нужно было скорее отвлечься. И сегодня у меня был медосмотр.

Поликлиника находилась в двух кварталах от офиса. Войдя в холл, надев очки, у регистратуры разглядела всех коллег. Инна Карловна как раз заканчивала инструктаж и раздавала одноразовые медицинские баночки для анализов.

– Заходите в кабинеты, называете фамилию, и быстренько проходим все процедуры. Карточки не теряем, не тормозим, после всего осмотра живенько возвращаемся в офис.

И карусель закрутилась...

Кажется, у всех был стандартный перечень специалистов: хирург, невролог, окулист, психиатр, терапевт, у девочек – гинеколог. У меня ко всем прочим ещё и аллерголог, иммунолог, ЛОР, стоматолог и УЗИ внутренних органов. Каждый осматривал тщательно и допрашивал, как шпионку. Раздевалась почти у всех и почти полностью. Из анализов взяли всё, что только возможно: кровь из пальца, из вены, все продукты жизнедеятельности, соскоб из уха, мазки из зева и носа и слюну. Разве что ногти и волосы не попросили, чтобы сверить ДНК и удостовериться, что я с Венеры, а не с Марса.

Особенно не хотелось идти к гинекологу. Врач был мужчина. Я уступила всем девочкам, оттягивая этот момент. Но он всё же настал. Едва вытерпела его ощупывания, долгий осмотр и навязчивые вопросы, унижительные по своей сути (кому это надо: сколько у меня было половых партнёров?!), и сам врач смотрел на меня каким-то пугающим тяжёлым, будто сканирующим взглядом. Даже захотелось снять очки, чтобы не видеть его лица. И вообще, он был крайне неприятным, впрочем, как и все специалисты сегодня. Нас будто в космонавты отбирали. Однако почему-то казалось, что мне уделили наибольшее внимание. А может, я настолько была напряжена, что каждое вторжение в личное пространство вызывало приступ тошноты.

И, наконец, последним был терапевт. Я почти выдохнула с облегчением, когда вошла в кабинет.

Высокий худощавый мужчина стоял у окна и курил электронную сигарету. Светлые волосы почти сливались с белым халатом.

– Добрый день... Кот, – коротко произнесла я.

– Что – кот? – не оборачиваясь, выдохнул тот вместе с белым дымком.

«Не что, а кто, эскулап!» – прищурилась от предчувствия насмешек, но терпеливо повторила:

– Я – Ева Кот.

– Ну что ж, Кот так Кот, хорошо, что не Пёс, – попытался остроумно пошутить тот, повернулся и прошёл к своему столу. – Садитесь...

«Остроумие так и прёт!»

Врач сел, раскрыл мою карту и долго вдумчиво изучал записи предыдущих специалистов. А я косилась на его бледную кожу, светлые брови и ресницы, и понимала, что ему – альбиносу – наверное, тоже нелегко в жизни. «Ева Кот» тут не шло ни в какое сравнение.

– Кровь сдавали натошак, надеюсь? – наконец, спросил врач.

Я отвела глаза, вспоминая чашку кофе с утра и сигарету, выкуренную по дороге к остановке, и кивнула:

– Угу...

– Проходите за ширму, снимайте всё, кроме нижнего белья.

– Зачем?– упёрлась я в спинку стула, крепко сжимая сумку.

Тот посмотрел на меня голубыми-голубыми глазами, почти бесцветными и вскинул брови:

– Милая девушка, я вас не в стриптиз-клуб отбираю – не тратьте моё время.

Раздеваться в который раз было неприятно. Прикусив щёку изнутри и морщась, я быстро разделась и осталась за ширмой. Врач прошёл ко мне измерил давление, послушал лёгкие, помял живот, осмотрел сосуды на ногах, а потом кивком указал на плечо:

– А это что?

Я покосилась на красное пятнышко и нахмурилась.

– Ударилась об угол тумбочки...

– Странно, похоже на следы, если бы стреляли в бронежилет,– прищурился он.

Я недоумённо округлила глаза и невольно потёрла плечо:

– Вы уверены?

– Впрочем, на удар об угол тоже похоже.

Это необычное совпадение озадачило.

– Можете одеваться,– отвернулся врач, а на пути к столу продолжил:– Удивительно, что у вас в двадцать семь лет ни одного хронического заболевания.

– Удивительно?– усмехнулась, застёгивая брюки и выходя из-за ширмы.

– Для нашего времени, да. Только с весом нужно что-то делать. Для вашего роста он превышает норму... Н-да, что-то нужно делать...– причмокивая тонкими губами, задумчиво протянул он, будто уже искал программу похудения для меня.

– А мне удивительно, что у вас такой тщательный осмотр.

Врач бросил на меня пристальный взгляд, погладил подбородок костлявыми пальцами и ответил:

– Мы – за качество.

– Впервые вижу, чтобы на обычном медосмотре прощупывали с головы до ног столько специалистов.

– Новые приказы Минздрава,– отчеканил тот, но, увидев мой скептический прищур, добавил:– Зато теперь вы знаете, что абсолютно здоровы, кроме наличия близорукости и ожирения полуторной степени, но это не критично.

– Что значит – полуторной?!

– Ещё чуть-чуть, и перейдёт во вторую!– самодовольно хмыкнул тот.

«Тощий альбинос!»– поморщилась я, отвернувшись.

Когда, наконец, освободилась и спустилась в холл клиники, услышала хихиканье гиен, толкущихся у стойки гардеробной.

– Алька, ты так и будешь ходить с расстёгнутой ширинкой? А то заморозишь чаво!– глумился Гановский.

– Ё-моё! А чё, сказать трудно?!– возмутилась та, торопливо застёгивая замок на брюках.

– Хотели посмотреть: ты так до офиса не заметишь?!– усмехнулся Антон и поддел локтем Брянского.

– Извращенцы!– бросила Алевтина, пыхтя накинула пуховик и вышла на улицу.

«Какая мерзость!»– оглянулась на парней и, подавая бирку гардеробщице, не сдержалась:

– Вам хоть раз стыдно было?

Хоть бы один устыдился. Нет, они лыбились и косили глаза, мол, какая правильная. Только Степан молча застёгивал пуховик у зеркала.

– А чё, мы ж ей доброе дело сделали, а то так и ходила бы?– хмыкнул мне в спину Антон. Но я уже надевала наушники, чтобы больше не слышать их голосов и скорее заглушить неприятные ощущения после медосмотра любимой музыкой.

После всех процедур, которые заняли полдня, хотелось одного: принять душ, чтобы смыть с себя больничный запах и ощущение чужих рук на коже. Но это несерьёзная причина, чтобы оправдать отсутствие на работе, поэтому позвонила Самоносову и сказала, что разбила очки и работать без них не смогу, а линзы остались дома. Со скрипом он отпустил поработать удалённо.

Дома после ужина на редкость легко уложив шумных гномиков, я устроилась в кресле перед телевизором, выбирая, что посмотреть. На глаза попался старый шпионский боевик.

Однако в течение всего фильма я то и дело поглядывала по сторонам, на потолок, и ловила себя на мысли, что снова внезапно могу очутиться у чёрта на рогах и не понять, как это происходит. Рядом стояла большая кружка с кофе, чтобы не уснуть, хотя в мыслях сквозила какая-то неудовлетворённость, как после классного, но недосмотренного фильма. И всё время хотелось вспомнить, кого же убили во сне, вертелось где-то рядом, но ухватить смутные обрывки так и не могла.

В конце концов, я скосила глаза к экрану телевизора и покачала головой: «Меньше триллеров на ночь смотреть надо!» и отправилась спать.

Глава 10

Проснулась я рано с ощущением, что вообще не спала, хотя и выпалась. Мне ничего не снилось. Белый лист. Однако, когда поднялась, внезапно вспомнила, кого убили в последнем сне... Это был Макс.

Накрыло странное ощущение, когда не понимаешь, а что было в действительности: существовал ли Макс вообще, был ли запах от парфюма или это мой новый шампунь, был ли синяк и калейдоскоп, или всё это обрывки сонных иллюзий, перемешавшихся с реальностью так, что сейчас сознание не могло отделить одно от другого. Как воспоминания из детства, которые вдруг проявляются спустя долгое время, и ты не знаешь, произошло ли это в реальности, или память играет с тобой, путая сны и похожие события...

В конце концов, я отбросила бесполезные мысли и пошла будить малышей. Сегодня тётка Лариса собиралась взять их на раннюю дойку коровы, а потом и на ярмарку-масленицу. Соня и Илья ждали этого с вечера, поэтому не хныкали, когда быстро одевала их.

Попрощавшись с малышами, быстро засобиралась на работу. Самоносов просил прийти к восьми, раз уж я позволила себе такую роскошь, как день удалённой работы, и в спешке уронила контейнер с линзами, те упали в слив. Пришлось идти на работу в очках, которые якобы разбились.

По дороге почти в пустом троллейбусе вспомнила последний сон с Максом. От того, что его там убили, до сих пор было как-то не по себе. Если бы увидела его вживую где-нибудь по дороге, наверное, отпустило бы... Ведь он существовал?

А уже в офисе стало не до фантазий: я погрузилась в заботы нового рабочего дня.

* * *

Время подходило к обеду. А я, чтобы не идти в кафетерий в сопровождении коллег, решила сначала выпить кофе в офисе, а потом прогуляться одной.

На кухне Алевтина и Ксюша обсуждали с Ромой и Антоном вчерашний медосмотр, возмущаясь потраченному времени и скандалами в очередях.

– Вас тоже терапевт раздевал?– поинтересовалась у девушек, наливая кофе.

– Да, мерзкий типок,– сморщилась Аля.

– Тебе тоже сказали, что ты толстая?– спросила Ксюша с присущей ей бесцеремонностью.

На это я промолчала, покосившись на парней, но спросила:

– И вам не показалось это чересчур?

– По-моему, раньше так не делали. Ну, на водительскую комиссию так точно,– подтвердил Рома.

– А тебе что, не понравилось?– усмехнулся Антон, облизывая ложку.– Вроде терапевт симпатичный мужик?

«Вот бы засунуть тебе эту ложку...»– подумала я, но не успела насладиться воображаемой местью за хамство, как в кухню вошёл Самоносов.

– Ага, кофе пьёте, Ева?– как бы шутя, но с упрёком произнёс он.– На вас очки? Вы же их разбились?

– Это запасные,– сдержанно вздохнула я, выплеснула остатки кофе в раковину и ополоснула чашку.

– Да пейте-пейте, что ж вы такая пугливая? Если так уж хочется эту гадость пить... Но потом сразу ко мне, нужно срочно проработать одну идею...

– У нас же обед?– натягивая жалобную улыбку, напомнила Хохолкова.

Тот придирчиво взглянул на наручные часы, задумчиво помял губы и кивнул:

– Так и быть, пообедайте. Но потом сразу в офис,– и торопливо ушёл.

– Кис-кис, к ноге!– ухмыльнулся Антон.

Я не сдержалась и бросила на него уничижительный взгляд.

– Ладно тебе, Ворчун! Пойдём на обед!– отвлёк того Брянский.

– Ага, идите-идите, а то, гляди, мы тебе глазёнки-то повыцарапываем!– усмехнулась Алевтина, вытаращившись на Антона, и в поддержке хлопнула меня по плечу.

А рука у неё была тяжёлой. Я молча вышла, чтобы одеться: лучше пообедать скорее, пока шеф не загрузил до вечера.

* * *

С обеда почти опаздывала, вбежав по лестнице следом за Тарасом, но только он открыл дверь офиса, как навстречу высыпала толпа.

– Бучера, Кот, разворот. Идём забирать результаты медосмотра. Это конфиденциальная информация, Инне Карловне не выдали,– гаркнула Алевтина.

– В рифму получилось,– усмехнулся Брянский, натягивающий шапку-ушанку.

«Чего я там нового найду? Мне уже сказали, что я здорова»,– подумала с нежеланием возвращаться в клинику.

– Я вечером заберу...

– Ева, мне нужно, чтобы вы задержались сегодня. Так что поедем сейчас. Могу подвезти?– услышала голос Самоносова.– Кстати, напомните мне, когда вернёмся, поменять брелок на ключах от кабинета.

– А что с ним не так?

– Он синий. Хотелось бы какого-нибудь другого цвета.

«Шёл бы ты лесом: синий брелок, розовый кузов...»– подумала, сверля затылок шефа, когда тот стал спускаться по лестнице.

– Кстати, завтра день рождения у директора. Все готовы пить, курить и морально разлагаться?– подмигнула Хохолкова, и остальные поддержали её радостным: «Да-а!»

– Только Кошка гуляет сама по себе,– оглянулся на меня Антон.

– Сто процентов!– подтвердил Гановский.

– Ев, может, на этот раз присоединишься?– спросил Степан.

– Ну, давай, Кот, ответ года!– мрачно протянул Яша.

«Чтоб вы все провалились!»– молча прищурилась я и задержалась на первой ступени вниз, ожидая, пока шумная гурьба, пересмеиваясь и перепихиваясь, спустится по лестнице.

Кто-то открыл дверь на улицу, и меня обдало непривычно ледяным воздухом.

«Сегодня всего-то минус десять. Откуда этот леденящий холод?»– промелькнула мысль от мороза по коже. Я подняла голову и замерла с повисшей над ступенью ногой.

Перед самым порогом в воздухе мерцало нечто, будто ткань пространства, как стекло, пошла трещинами.

«Я что, забыла надеть линзы?»– засомневалась на секунду, щурясь и всматриваясь в светящиеся трещинки, но вспомнила, что в очках.

Это нечто стало расширяться и всё чётче прорисовываться в сверкающую воронку, будто кто-то или что-то складывал мозаику из осколков света.

От знакомой тревоги начало посасывать за грудиной, а каждый волосок на теле поднялся от неожиданно мощного статического электричества. Открыв рот, чтобы окликнуть тех, кто шёл прямо в эту воронку, поняла, что не могу проронить и слова: горло свело от холода.

Хрипя, выронила сумку и вцепилась в поручень. Звук удара кожи о каменные ступени показался неимоверно громким, будто кувалдой по металлу, и поглотил остальные звуки. Все удивлённо оглянулись на меня, но, похоже, и не догадывались, что происходит. А я уже не знала, чьим глазам верить: их или своим. Виктор поднялся на одну ступень и недоумённо спросил:

– Ева, всё нормально? Вы какая-то бледная...

Не успела я и ахнуть, как воронка загудела, завращалась и надвинулась с такой скоростью, что всех, кто был передо мной, засосало в это искажённое пространство, как безвольных кукол. А потом шум усилился, мощный поток воздуха сбил с ног, и с оглушающим треском электрошокера меня затянуло в сияющее марево...

ЧАСТЬ II. Естественный отбор

Глава 1

Всё внезапно замерло. Оглушённая и дезориентированная я не могла ощутить собственного тела: стояла или лежала, висела вниз головой или летела – ни единой догадки. Вокруг давящая тишина...

И так же неожиданно меня выплюнуло откуда-то и будто воткнуло во что-то, как гвоздь. Я ощутила невероятную тяжесть в стопах, словно приковали: ни двинуться в сторону, ни поднять.

Я смотрела точно вперёд и не могла понять, почему ничего не вижу: всё было размытым, и только что-то мельтешило вдалеке. Машинально коснулась стёкол очков и протёрла их пальцами. Ничего не изменилось. Я недоумённо прищурилась и медленно потянула очки за дужки вниз.

Картинка перед глазами будто взорвалась яркостью и контрастом. Всё резко прояснилось, а в уши ударил низкий гул, который тут же стал стихать, пока совсем не исчез. Я уронила руки и, кажется, впервые вдохнула.

Воздух был горячим и тяжёлым. Перед глазами стояла грязно-жёлтая земля до самого горизонта, вверх поднимались клубы серо-жёлтой пыли, а сквозь них виднелись какие-то тёмные холмы или строения.

И только лёгкие раскрылись, как все чувства обострились, и чуть не сбило с ног. Я едва удержала равновесие, расставив ноги.

Где-то недалеко звонко заскрежетало, будто открыли что-то металлическое... проржавевшее, а затем послышался резкий щелчок, похожий на выстрел... И ещё один... И ещё...

Растопырив руки, я испуганно пригнулась и стала озираться, всё ещё не понимая, что происходит.

После очередного щелчка кто-то болезненно вскрикнул. И я узнала высокий голос – это была Хохолкова. А потом слышались и другие, все они тоже были мне знакомы. От растерянности, звона в голове и слишком неожиданной картины я не сразу сообразила, куда смотреть и что делать, а те, кто был поблизости, судя по голосам, разбежались в стороны.

Когда полностью вернулось ощущение контроля тела, я сфокусировала взгляд и оглянулась. В двух метрах от себя увидела Ксюшу. Та лежала на спине с повернутой набок головой. Из рта текла тёмно-красная струйка, а глаза, полные ужаса, медленно теряли осмысленность. Она что-то прохрипела, из горла послышалось бульканье, и затихла.

Я покачнулась от тяжёлого недоумения, попятилась и, тут же споткнувшись обо что-то, упала на спину. Больно не было. Земля показалась слишком мягкой и рассыпающейся подо мной. Попытавшись оттолкнуться от неё руками, увязла ладонями в песке. Попа просела, а ноги оказались лежащими поперёк другого бездыханного тела.

Адреналин ударил вспышкой огня по щекам, и я мгновенно вскочила, неловко черпнув ладонью песок и попав себе в лицо. Когда тряхнула головой и отплевалась, разглядела перед собой Алевтину с окровавленной грудью и мёртвым взглядом, устремлённым вверх. Не успев осознать увиденное, почувствовала, как на лоб упало что-то горячее, и я невольно подняла голову. С неба будто градом посыпался крупный обжигающий дождь грязно-красного цвета.

«Мать твою! Где я?!» – прострелило в висок.

Дождь накрыл мгновенно. Сквозь стену грязной воды глаза отыскивали место, чтобы спрятаться. Машинально натянув капюшон, глядя только вперёд, я побежала к какому-то строению.

Укрытием оказалась труба намного выше моего роста. Она торчала из-под песка под углом, будто другим концом уходила под землю. В её углублении обнаружилась высокая круглая дверь, но она была без ручки и видимого замка... И заперта.

Съёжившись под небольшим козырьком, я оглянулась на то место, где только что стояла, и до меня, наконец, дошло, что увидела. Под завесой дождя трудно было что-то яснее рассмотреть, но всё же заметила, как тела Ксюши и Алевтины погружаются в песок. Прямо, как в фильме ужасов!

Где-то в солнечном сплетении горячо забился пульс. Грудь стянуло так, что стало нестерпимо душно. А вокруг песок, ржавый дождь, и никого...

«Так-так... Раунд четвёртый?... Жутко до коликов... Что за многосерийный триллер?!— подумала, оттягивая ворот пальто и морщась от болезненных ощущений во всём теле.— Так... это примерно на час... Фух, пережить бы, а то совсем мрачно... Аж тошнит... Здесь же не придётся прыгать в пропасть или убегать от монстров?..»

Едва подумав об этом, тут же стала падать назад: дверь, в которую упиралась спиной, медленно открывалась внутрь. Я ухватила за широкий круглый проём обеими руками и оглянулась через плечо. В приоткрывшуюся щель увидела узкий длинный коридор, словно из гофрированной трубы, продолговатые лампы, мерцающие тусклым красноватым светом. Спокойствия это место не прибавило, но хоть было единственным укрытием.

Ухватившись покрепче, обрела равновесие и в ту же секунду услышала новые щелчки — выстрелы и знакомые голоса. Повернувшись, сквозь ржавые нити дождя заметила мечущихся по песку парней из бюро.

«Офигеть! И они здесь?!»

Не успев переварить это, услышала испуганные возгласы прямо перед собой, а потом на меня буквально навалились гурьбой и впихнули в туннель. Я чуть не упала, но, если бы не удержалась на ногах, растоптали бы.

Ошалелой толпой, расталкивая друг друга, все те, с кем только что спускалась по лестнице офиса, ворвались внутрь туннеля и, хрипя от тяжёлого дыхания, с ужасом прилипли к стенам.

«Придурки! Это мой сон, но меня-то зачем давить?— фыркнула я, с опаской оглядываясь на открытую дверь.— Там точно кто-то чужой... и кажется, не очень дружелюбный...»

Словно прочитав мои мысли, быстро среагировал Самонос: ухватился за край двери и захлопнул её, а потом подпёр спиной и с протяжным вздохом сполз на землю. Что-то щёлкнуло, видимо, замки.

Я выпрямилась, прислонилась к стене и, отряхиваясь от дождя и песка, покосилась на коллег. Кто-то был без пуховика и шапки, кто-то ещё в пальто и крепко сжимал ремень сумки на груди. Все ошарашенно переглядывались и не могли произнести и слова. Брянский, кажется, и не моргал. Клобус и Черных шокировано вжали головы в шеи и почти не дышали. Гановского било крупной дрожью, и он подпрыгивал на месте, будто от разрядов тока. Малечко и Бучера стояли в ступоре и водили стеклянными взглядами вокруг.

«Надо держаться подальше от всех, а то ещё окажутся здесь неуравновешенными психами... Интересно, а Макс будет? Он бы точно не выглядел, как эти зайцы...— замерла на секунду и с досадой поморщилась:— Как всё это странно и страшновато! Ну... хотя бы не холодно...»

— Хрень какая... Что это, вообще?!— не своим голосом вдруг прокричал Гановский, испугав меня.

— Точно хрень!— вслед за ним выдохнул Виктор, вынимая телефон из кармана разорванного пиджака и пытаясь поймать сеть.— Чёрт, сети нет... и время сбилось...— а взглянув на наручные часы, поморщился:— Блин, и подарок жены угробил...

— У меня тоже!— нервно тыкаясь плечом в обшарпанную стену, крикнул Гена.

– Мы где, вообще?!– тяжело сглатывая, дрожащим голосом проговорил Антон.– И почему по нам стреляют?

Степан и Тарас молча жались друг к другу, а Яша держался за сердце и даже в красном свете выглядел блее простыни. Только Рома, вытаращив глаза, не двигаясь прислушивался к звукам. Меня всё это тоже напрягало, но была уверена, что снова проснусь примерно через час. Однако за этот час при таком раскладе могу и посидеть.

«Что происходит?»– затихла я, оценивая обстановку нового экшена «Где, с кем и куда упаду».

Шум дождя был еле слышен, а вот внутри туннеля гудело, словно ток бежал по проводам. Неровное мерцание ламп начинало раздражать глаза. За спинами ребят туннель уходил далеко вперёд и, по-моему, против законов физики. Снаружи труба точно шла под землю, но внутри неё спуска не было. Хотя много ли в такой суе успела разглядеть? Однако же лампы висели только у входа, а в десяти-пятнадцати метрах от нас – уже непроглядная темнота.

«Зараза! Туда я точно не пойду!»

Отступив к двери, я коснулась ржавого металла и отпрянула, потому что кто-то сильно ударил по нему с другой стороны. Виктор тоже мигом отстранился и поднялся на ноги.

Похоже, это были люди. Они переговаривались друг с другом, тон напоминал, что обсуждают, как попасть внутрь, к нам, но не понимала ни слова, только обрывки фраз: половина на английском языке, половина на неизвестном. Сколько их было – неизвестно.

Раздался новый выстрел. От резкого звука я дёрнулась к стене, чувствуя, как между грудями стекает струйка пота. Духота уже начинала раздражать, что хотелось снять с себя всё.

Парни тоже испуганно отшатнулись вглубь туннеля. А я застыла на месте и не знала: то ли двигаться за ними, то ли остаться здесь, и стала медленно стягивать с себя пальто.

– Куда нам идти?– беспомощно спросил Брянский, растерянно шаря пальцами по стене.

– Я бы спрятался подальше. Здесь вход, должен быть и выход,– осторожно кивнул Виктор вглубь туннеля, от плотной темноты которого у меня сводило живот. С детства ненавижу темноту, но те, кто за дверью, почему-то пугали больше.

– Иногда вход – это единственный выход,– сбивчиво проговорил оживший Степан.

Он был напуган, как и все, но не паниковал и не приседал от дрожи в ногах, как Яша и Тарас, и не метался от стены к стене с выпученными глазами, как Гановский.

– За дверь нам нельзя – убьют!– почти прошептал Рома.

Я снова взглянула в конец туннеля: «Неа, не пойду! Не должны же меня убить в собственном сне?!– и поморщилась от сомнений:– Убить не убьют... А если начнут пытаться?..»

Дверь уже начала поскрипывать, и парни заметно запаниковали, отступая в темноту. Виктор шагнул к Яше и Тарасу и заметно дрожащими руками взял их за локти, повернул лицом в сторону тёмного туннеля и сказал:

– Спрячемся глубже...

Парни подчинились без возражений и двинулись вслед за Самоносовым. Внутри меня всё протестовало, от страха оказаться в темноте даже вздохнуть не могла, а от жара во всём теле уже кружилась голова. Однако, как только дверь заскрипела, я подхватила пальто и со всех ног бросилась следом за парнями.

* * *

Сначала мы все бежали, всё время по прямой, сворачивать было некуда. Виктор и Рома подсвечивали дорогу телефонными фонариками. Потом мы замедлились, чтобы перевести дыхание. Я, как и остальные, прислушалась, не бежит ли кто следом. Но ни шагов, ни голосов, ни других шумов не было. Даже гул внутри туннеля стих.

– До сих пор нет сети!– натужным голосом заметил Виктор.

А я и забыла о своём телефоне в кармане пальто, и тоже достала его. Сети действительно не было. Время на экране 0:00, и не двигалось.

Неожиданно пришла мысль поставить таймер. Так было бы легче следить за временем и ждать конца представления. По моим расчётам, оставалось примерно тридцать – сорок минут.

– Нельзя останавливаться! Надо бежать! Где-то должен быть выход!– истерично прозвонел голос Гены.

– Мы даже не знаем, куда бежим,– тяжело дыша, заметил Степан.

– Надо что-то делать!.. Что-то делать!– паниковал Антон и всё порывался ускориться.

– Нам бы спрятаться и переждать,– задыхаясь, проговорил Рома, бледный как смерть.

– Ага, и дожидаться, когда пуля прилетит?!– огрызнулся Антон.

– Нам всем надо держаться вместе и не паниковать,– выдал Виктор, сам едва держа себя в руках да ещё поддерживая Яшу с Тарасом, у которых, кажется, ноги подкашивались.– Прекратим все споры и на ходу будем думать, как отсюда выбраться... Дышим животом и идём дальше...

«Какой собранный! Не зря в походы в горы ходит»,– мелькнуло в мыслях: я не могла похвастать такой выдержкой. Сама не особо понимала, как пойдёт дальше, по опыту все сны закручивались в невиданный аттракцион страшилок: начинало потряхивать от общей паники. Я всё пыталась сосредоточиться на ощущениях: что же лучше сделать, чтобы наконец проснуться, но в голове – темно, как и вокруг.

«Ну, Макс, где же ты? Ты что, не спасёшь свою жену?– поджилки уже начинали дрожать и ожидание неприятностей щекотало нервы.– Когда не надо, ты тут как тут, а как стало горячо, так ты в кусты? Уф, ну и духота...»

Я вытерла пот со лба рукавом водолазки, оттянула ворот и с досадой вспомнила: «Зараза, тебя же убили... Но ты же восстанешь, как Феникс?»

Брянский двинулся вперёд, и все подтянулись за лучом света. Пока бежали, воображение не работало, но, когда перешли на ровный шаг, немного выровнялось дыхание, я стала оглядываться на кромешную тьму позади: так и ждала, что откуда-нибудь выпрыгнет монстр с белыми мутными глазами или распахнёт пасть Чужой. Бог знает, каких только чудовищ из кино не вспомнила, поэтому периодически сама освещала пространство вокруг.

Шли мы довольно долго и тоже всё время прямо. Было тихо, за нами никто не гнался. Я немного успокоилась. Но кислорода не хватало, с каждой минутой становилось жарче, хотелось пить и хоть на минуточку присесть.

Чтобы отвлечься, я косилась на затылки то одного, то другого. Антон истерил на каждом шагу и шарахался в сторону от малейшего чужеродного звука. Гена лихорадочно озирался, почёсывался и что-то бубнил. Яшу и Тараса по-прежнему вёл Виктор, иногда удобнее подхватывая под руки, когда те спотыкались и замирали в ступоре.

Туннель стал расширяться, и вскоре мы шли уже по довольно высокому подземному пространству, похожем на заброшенную шахту. Кое-где снова появлялись лампы, но тусклый красный свет не помогал, лишь добавлял волнения.

– Тут всё странно как-то,– прошептал Степан.– Снаружи такого длинного туннеля не было... Ясно, что он должен уходить под землю. Но мы идём всё время под прямым углом.

– Ты тоже заметил?– прижалась к его плечу.

– А ещё тут разная фактура стен. Мы не под землёй, но потолок каменный, под ногами песок. Опорных колонн не вижу, если этот туннель на поверхности, то стены уже обрушились бы под давлением.

– Кроличья нора просто,– нервно усмехнулась я, не собираясь делиться сомнительным доводом, что это мой сон. Реальностью это быть не могло, а от того, что меня посчитают ненормальной, легче не станет. Ещё бросят в темноте одну.

– Так... давайте отдохнём,– эхом прозвучал голос Самоносова.

– На хрен отдых! Нам выбираться надо!– заладил Гановский.

– Гена, мы сейчас все попадаем. Нам нужна передышка, чтобы немного подумать...

– Чё тут думать?! Мы в заднице! Давайте что-то уже делать!– крикнул тот, ослепляя нас своим телефоном.

Мы со Степаном переглянулись, молчаливо обменявшись нелестным мнением насчёт великого умника.

– Я пройду немного вперёд, посмотрю, что там,– проговорил Рома и осторожно двинулся дальше.

– Я с тобой,– прилип к плечу Брянского Гена.

– Антон, выключи фонарик. Неизвестно, что впереди, нам надо экономить батареи,– распорядился Виктор и усадил совсем ослабевших от шока Тараса и Яшу на груды из камней.

Антон с ворчанием потрепал телефон в руках, но выключил.

Я молча прижала пальто к груди и закрыла глаза. Надо же было застрять здесь с теми, кого и в офисе-то не переносу. Бучера, как привидение, его всегда не видно и не слышно. Черных вот-вот отбросит коньки. Брянский ещё может пригодиться. Ну а шеф везде шеф: сразу взялся командовать, хоть не паниковал, и то хорошо. Из всех спутников самым комфортным для меня был Малечко.

Степан всегда держался особняком, но прекрасно вливался в коллектив. Спокойный юморной интеллеktуал. Часто на кухне его можно было застать за размышлениями о какой-нибудь умной книге, о космосе или о необыкновенных фактах науки. И всё это с равнодушием, какой-то своей точкой зрения, которые не делали его ботаном в общепринятом смысле. Да и «Кошка» от него звучало не так обидно.

Устало вздохнув, я отыскала взглядом Степана у стены, где он примостился на булыжнике, и села рядом. Жутко хотелось курить. Слишком уж мрачный был сон на сей раз. Но воздуха и так не хватало, и я заставляла себя считать, чтобы хоть как-то перебороть нужду.

Да только вытянула ноги и положила затылок на стену, как из другого конца каменного коридора раздался голос Брянского, эхом разнёсшийся во все стороны:

– Там есть свет! И воздух движется! Вставайте!

За эхом появился и сам Рома.

– Надо только через валуны пройти, а потом между балками...

Я сухо сглотнула и поднялась через силу. Яша и Тарас как-то ожили и уже могли идти сами.

И мы снова пошли сквозь темноту. Я понимала, что нужно экономить батарею, но не могла пересилить страх и сама освещала себе дорогу. К тому же она перестала быть ровной – повсюду лежали крупные камни, которые просто так не обойти, приходилось играть в эквилибриста.

Где-то в углу мелькнул свет, и послышался голос Гановского:

– Двигайте кеглями! Скорее!

Антон сразу метнулся к Гене. Виктор и Степан настороженно двинулись к высокому узкому проходу, откуда сочился свет. И остальные, как овцы, заторопились следом. Мне почему-то было не по себе от вида этой щели между металлическими балками, но оставаться одной было ещё страшнее.

Брянский и Гановский стали осторожно протискиваться вперёд. Но, не сделав и пары шагов, злобно кряхтя, Гановский вернулся, сбросил куртку и снова полез в щель. За ним ринулся Антон, матерясь и отпихивая меня. Виктор встал у входа и кивнул мне:

– Ева, скорее...

Оценив размеры прохода, я решила, что тащить с собой пальто будет неудобно. И вряд ли оно пригодится в такой жаре, тем более скоро всё закончится, и бросила его на камень. Глядя на меня, свои куртку и пальто сняли и Тарас с Яшей, но оставили сумки, перекинув ремни через грудь, и тут же прошмыгнули первыми, чуть не оттоптав мне ноги.

«И что они в них так вцепились?»– мысленно прошипела, отступая к стене.

– Слушайте, идите вперёд, а то они сейчас там грохнутся в обморок, некому будет привести в чувства,– сказала Виктору и Степану, и те молча согласились.

Когда прошёл Степан, я коснулась края прохода и просунула голову внутрь. От металла несло прохладой.

«Ну что ж, поиграем в Индиану Джонса, раз уж всё так вышло, а потом просто свалюсь с кровати, дай бог не со шкафа... Не перепугать бы Илью и Соню...»– подумала и усмехнулась, вспомнив, что вчера утром отставила тумбочку подальше от кровати: бережёного Бог бережёт.

Вслед за Малечко я протиснулась между балками, втягивая живот и вытягиваясь струной. Камни под ногами гремели, а какие-то рассыпались в песок. И вдруг остановилась как вкопанная:

«Стоп... Соня и Илья?! Я помню о них?!»

Какая-то неоформленная тревога пробежала холодком по спине. Самым странным в моих снах было то, что другой реальности и не существовало: я никогда не помнила ни о малышах, ни о бюро. Только в самом конце перед пробуждением неожиданно вспоминала о двойняшках. Однако сейчас я помнила всё и обо всём, и звали меня не Лизой. Хотя это тоже могло быть парадоксом сна.

«Может, я слишком впечатлительная, и теперь приснилось вот это? Но почему опять такой ужасик? Зачем было убивать Алю и Ксюшу? Ну, скажем, последнюю не так уж и жалко, только под ногами путалась бы, но... Всё снова так реалистично... Значит, скоро я проснусь?»

Я с нетерпением взглянула на таймер, действительно оставалось немного, и огляделась. «Главное – никуда не упасть, не выпасть, не провалиться... Давайте на сей раз без боли!»– с горькой иронией взмолилась неизвестным силам.

– Эй, ну чё встала?! Одну тебя все ждут!– гаркнул Антон с другого конца прохода.

Я очнулась и, неуклюже спотыкаясь, выбралась в открытое, на первый взгляд, но замкнутое пространство – огромную пещеру, чуть реже усеянную булыжниками разного размера, и замерла.

Глава 2

Здесь свет был белым, но всё равно тусклым. Эхо от шуршания камней под ногами парней натягивало нервы. Уже невероятно хотелось курить, чтобы немного успокоиться. Но вспомнила, что сигареты остались в пальто. Нового прохода пока не видела, и оглянулась: «А вдруг впереди снова зима? Зря оставила пальто. Жар костей не ломит».

Но, как только включила фонарик и заглянула в проём между балками, – обомлела: пути назад просто не существовало. На расстоянии вытянутой руки проход был запечатан глухой каменной стеной, покрытой паутиной и копотью, будто та здесь сто лет стояла. А ведь даже и звука не было!

Я тут же выключила телефон и повернулась к ребятам, чтобы предупредить, но замолкла, заметив, как те отчаянно шарят руками по стенам, выискивая новый проход.

«Похоже, первые впечатления, что здесь всё происходит против законов физики, верное. А значит, это точно сон и нервировать без того перепуганный народ – последнее дело. Хотя с удовольствием посмотрела бы, как кое-то описался бы от страха», – и покосилась на Гановского, который, ударяя по стенам кулаком, пыхтел от бессилия. Даже позлорадствовала на секунду.

Однако же через вдох и самой стало жутко: не хотелось оказаться запертой здесь.

Внезапно свет стал ярче, будто включили прожекторы. Парни мигом отступили от стен и настороженно переглядывались. В метре от меня отошла стена, или там её и не было – в сумраке все дороги гладки – и в пещеру вбежал человек – мужчина – на вид военный, потому что на нём была светлая форма, как у американских пехотинцев, и широкая маска, закрывающая нос и рот. Он остановился в подозрительной стойке и неожиданно направил пистолет на Антона, который стоял к нему ближе всех. Тот побелел и застыл с открытым ртом.

Парни всполошились, не разбирая дороги, разбежались в разные стороны и попрятались за камнями. Я невольно прижалась к стене, позвоночником ощущая каждый её выступ. Всё это понарошку, но спецэффекты настолько натуральные, что от нервного напряжения дыхание сбилось, и я кашлянула.

Солдат вмиг обернулся и угрожающе направил пистолет прямо на меня.

– Ты лишняя! – вдруг произнёс он на чётком английском и взвёл курок.

От внезапного страха сразу захотелось писать. Мельком вспомнился туалет в аэропорту. И я сожалела, что сейчас не там. Когда впереди неизвестность, – это гораздо хуже, чем знать, как закончится сон.

– Где же эти долбанные титры? – глухо выдохнула и прищурилась: «Это просто очередной сон, и я не буду стоять сложа руки! Хоть раз побуду Харли Квинн – без башни и морали!»

Я попятилась и прижала руки к стене. Пальцы запутались в чём-то пружинистом, и что-то острое укололо ладонь. Не раздумывая я ухватила за нечто тонкое и упругое и потянула на себя. А когда по взгляду солдата поняла, что он собирается выстрелить, резко наклонилась, выбросив руку вперёд.

Прозвучал выстрел, я зажмурилась в ожидании боли, но, услышав гортанный вой, распахнула глаза и вскинула голову.

Оказалось, что из стены я выдернула длинную плоскую проволоку, и та острыми, как лезвие, краями глубоко рассекла мужчине подбородок. Он закричал и схватился за лицо. Но в меня будто кто-то вселился: я выпрямилась, размахнулась и ударила снова... и снова. Солдат, выпучив глаза, покачнувшись и неожиданно стал клониться назад. Кровь прыснула мне в лицо и на водолазку, пока он падал, видимо, я задела крупную артерию. Как специально, в ярком свете ламп всё виделось в красках: заметила, как фонтанирует кровь из его шеи и быстро впитывается в землю.

Антон отшатнулся и сел на задницу, схватившись за горловину свитера. Из-за камней показались головы парней.

– Ядрёна вошь!– прохрипел Брянский.

– Ни хрена себе!– вытаращился Гановский.

– Ева, вы не ранены?– испуганно шагнул в мою сторону Самоносов.

Но я перевела немигающий взгляд на упавшего солдата и просто впитывала его глазами. Вскоре неизвестный дёрнулся в конвульсии и затих.

Ещё не остыв от яростного возмущения, что меня собирались убить, с какой-то стати посчитав лишней, я бросилась к телу и выдернула пистолет из руки. Да чуть не выронила. На экране оружие всегда казалось лёгким, но этот пистолет весил чуть ли не килограмм.

Поднявшись, услышала из прохода шум приближающихся шагов, инстинктивно выбросила руки перед собой, крепко обхватив рукоятку пистолета. Не знала, что произойдёт в следующую секунду, но во всём теле мышцы пекло от тревожного ожидания. А когда в пещеру вбежал ещё один мужчина в такой же форме и маске, как и предыдущий, в кармане брюк вдруг завибрировало: сработал сигнал таймера.

От испуга подпрыгнув на месте, я машинально нажала на курок. Несколько пуль со звоном влетели в корпус прожектора и в потолок над солдатом. Мужчина тут же упал навзничь, не успев поднять оружие, а из-под его затылка по плоскому камню потекла кровь.

– Рикошет,– в ужасе выдохнул Степан из угла напротив.

Солдат попытался подняться, но в ту же секунду на него посыпались сначала мелкие камни, а потом и крупные. Меня кто-то дёрнул за локоть, и, чтобы не упасть, я извернулась и перепрыгнула несколько камней к другой стене.

В один миг проход и мужчину завалило громадными булыжниками, и в ярком свете клуб чёрной пыли взмыл в воздух.

Внутри всё сжалось и одеревенело. Я судорожно сглотнула, уронила руку с пистолетом и села на корточки.

«Я не верю. Я не верю! Вот сейчас всё должно закончиться!»– вихрем пронеслось в мыслях, и я зажмурилась, оттого что неприятно защипало в ладони.

Сначала я чувствовала адреналиновый азарт, потому что выглядело всё, как очень реалистичная постановка, но с каждой минутой пребывания в этом состоянии начинала сомневаться в своём разуме: слишком живые ощущения, слишком всё детализировано и натурально вокруг, даже запах пыли и... крови...

Когда убила первого солдата, была уверена, что это сон и что скоро проснусь, надо только потерпеть. Но, когда посмотрела на рваные раны на его шее, порезы на своей ладони, почувствовала запах крови на себе, затрясло так, что чуть не стошнило.

Впервые посетила пугающая мысль, что это не сон, а нечто необъяснимое, но происходящее со мной в действительности. Я онемела, а покачнувшись, упёрлась спиной в плоский камень, и внезапно ощутила, как по ногам бежит что-то горячее. С ужасом поняла, что описалась. Зажмурившись, я неверяще затрясла головой, чтобы распугать ужасные мысли и прийти в себя.

В мрачной тишине парни повыходили из своих укрытий и ошалело озирались: то глядя на меня, то на убитого солдата. Пыль уже осела, и показались только ботинки второго преследователя. Антон, всё ещё сидевший на земле, сдавленно откашливаясь, вскочил на ноги и попятился.

– Ева...– окликнул Степан.– Ты как?

– Всё нормально,– вздрогнула я от его голоса и, задержав дыхание, вытерла лоб рукавом: пот тёк не только по лицу, но и по спине, и по груди. Казалось, я вся покрыта чёрной пылью, а вся одежда пропиталась чужой кровью и прилипла к телу. Дышать становилось всё труднее. От сухости во рту язык прилипал к нёбу.

Заставив себя вдохнуть, я поднялась и, сцепив зубы, подошла к первому упавшему солдату. Положив пистолет на землю, стала стягивать брюки с трупа. «Ему всё равно уже не понадобится», – проплыли мысли в замутнённом сознании, будто и не мои.

Такую необычную обувь, как у преследователя, ещё не видела: без шнурков или заклёпок, без липучек или запахов, просто неизвестный материал, плотно обтягивающий щиколотку и стопу и переходящий в толстую подошву с протектором. Это не мои узкие сапожки, в которых по камням только ноги ломать, но размер не подойдёт.

Сгребя брюки в охапку, зашла за невысокий камень и стала раздеваться. Парни продолжали стоять в прострации, но посматривали на меня, как на безумную.

Брюки оказались малы: узки в бёдрах, заклёпка на талии не застёгивалась, но выбрать не из чего. А вот что надеть сверху: и водолазка, и бюстгальтер в крови? От растерянности пошарив взглядом по земле, будто там должна вырасти одежда, заметила Степана. Он встал рядом, отвернулся, вроде прикрыв от остальных, а потом стал молча раздеваться. Скинув рубашку, снял майку почти того же цвета, что и мои новые брюки, и протянул. Я молча приняла.

Майка была велика, а лямки спадали с плеч, поэтому я сняла её, прокусила ткань и разорвала по шву. Этим полотном обвязалась вокруг груди на манер топа, коротким обрывком закрепила волосы в хвост на затылке.

– Прямо амазонка, – мрачно сказал Степан, когда оглянулся через плечо.

– Лара Крофт, мать вашу! – тяжело выдохнула я и признательно кивнула Малечко за помощь.

Но нам обоим было не до шуток, только сознание сопротивлялось принимать происходящее за правду.

– У тебя ладонь кровоточит, – заметил Степан, выходя вместе со мной в центр пещеры. Я посмотрела на правую руку и сжала губы.

– Оберните, чтобы оставить кровь, да и грязь не занести, – подошёл с другой стороны Виктор и протянул мужской носовой платок в тёмную клетку.

Я молча взяла его, намотала на ладонь, а Степан помог завязать узел.

– Ё-е-о! Куда делся проход?! – неожиданно послышалось со стороны той щели, через которую мы попали в пещеру. Кажется, Антон пришёл в себя и снова заистерил. – Единственный проход!

Брянский метнулся к щели, с ужасом в глазах обернулся и выпалил непередаваемое на мате. Заглянувший туда же Виктор, растерянно потёр лоб и произнёс:

– Чертовщина творится!

Остальные растерянно заметались по замкнутому пространству, как слепые щенята.

– Будем искать другой, – заключил Виктор и с отчаянием оглянулся на завал.

– Какой?! – взвыл Антон. – Эта дура завалила последний! – и со звериным оскалом устоял на меня.

– Гиена она и в Африке гиена, – слетело с языка, и я покосилась на труп без штанов, на пистолет у его ног, подняла оружие и положила в широкий карман брюк: лучше, если он побудет у меня. Медленно выпрямившись, подошла к месту завала. – Камней немного – разберём.

– Ты идиотка?! Они оттуда и пришли! – прорезался лай и у Гановского.

– У кого-то есть другие идеи? – судорожно вздохнула и опустилась на камень, чувствуя, как кружится голова.

Молча переглядываясь, первым к завалу подошёл Малечко и попробовал отодвинуть один из камней. Тот на удивление легко поддался. Тут же подошли Черных и Бучера и помогли разбирать камни. Подключились Самоносов и Брянский, а Гановский и Клобус, выставив руки на бёдра, смотрели на них, как на полоумных. В конце концов и эти койоты с ворчанием и трёхэтажными матами, которых в жизни не слышала, помогли откатить несколько крупных камней.

Я же не могла сдвинуться с места: казалось, что если упаду, то уже не поднимусь. Но, когда кто-то разразился очередной руганью, подняла голову, а увидев яркий зелёный просвет в открывшемся проёме, настороженно замерла.

Глава 3

– Чё застыли? Бежим, пока никого!– с одышкой бросил Гановский и первым пролез в расчищенный проём.

Парни с опаской уставились на отверстие и не решались двинуться с места.

Я поднялась, обтёрла вновь вспотевшее лицо и неровной походкой прошла к отверстию.

– Дорогу осилит идущий,– проговорила, глядя на Степана, наклонилась и пробралась между камнями.

Внутри нового куполообразного пространства, будто вырытого в глубокой горе, с жёлтым песком под ногами и всё с теми же каменными стенами, оказалось три туннеля: два из них абсолютно тёмные, а из одного исходил зеленоватый свет. Мы словно оказались на дьявольском перекрёстке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.